

На правах рукописи

МАХМУДОВА КЕМСИ ЗЕЛИМХАНОВНА

**Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции
в XVIII – 20-е гг. XIX в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Владикавказ – 2013

Работа выполнена в научно-исследовательском Центре этнополитических стратегий ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова».

Научные консультанты: доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, этнографии и археологии Дагестанского научного центра РАН, заслуженный деятель науки Республики Дагестан

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович;

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания, Республики Южная Осетия и Кабардино-Балкарской Республики

Дзидзоев Валерий Дударович.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

Баликоев Тотраз Магометович;

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Арапов Дмитрий Юрьевич;

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия»

Великая Наталья Николаевна.

Ведущая организация: ГУ «Адыгейский республиканский научно-исследовательский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева» (г. Майкоп).

Защита состоится «30» октября 2013 г. в 14.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.248.01 при ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова» по адресу: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова» по адресу: 362025, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru>, и сайте СОГУ им. К.Л. Хетагурова, режим доступа: <http://www.nosu.ru>, «19» июля 2013 г.

Автореферат разослан «28» сентября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, профессор

С. Р. Чеджемов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одной из важных задач, стоящих перед отечественной исторической наукой, является глубокое и всестороннее изучение актуальных проблем истории народов Российской Федерации.

Современный Северо-Восточный Кавказ, как неотъемлемая часть Российской Федерации формировался в течение столетий, преодолевая различные внешнеполитические препятствия и притязания восточных и западноевропейских держав, а также внутрорегиональные противоречия и конфликты.

Изучение военно-политических, дипломатических и иных факторов этого сложного и противоречивого процесса, влиявших на развитие отношений народов региона между собой и с Россией, а также с другими заинтересованными субъектами региональной и мировой политики, в исторической науке до сих пор не завершено, оно требует новых подходов, создания общей концепции на основе принципов объективности и научности.

Исследование региона происходит сегодня в условиях многообразия подходов, обретая новые направления и более объективное звучание. В научный оборот вводятся новые источники, меняется методология исследования, свободная от идеологических и политических ограничений.

Но при всем многообразии достойных исследовательского интереса проблем, особое значение имеет определение места и роли народов Северо-Восточного Кавказа в мировой и региональной политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в.

В течение длительного времени народы данной территории находились в сфере влияния (в разной степени) Иранской и Османской держав. Расширение рамок восточного вопроса привело к активизации политики Российской империи в северокавказском регионе, что в свою очередь обусловило соперничество трех держав за его обладание.

В политике европейских держав Англии и Франции в исследуемый период наблюдается противодействие политике России в восточном вопросе.

Борьба за сферы торгово-экономического и политического влияния привело к окончательному оформлению кавказской проблемы в восточной геополитике.

До сих пор нет специального комплексного исследования по намеченному автором кругу вопросов относительно народов Северо-Восточного Кавказа в XVIII – 20-е гг. XIX в., что и обусловило выбор темы.

Негативные представления о сложных обстоятельствах формирования единства России и Северо-Восточного Кавказа, утвердившиеся на предшествующих этапах, зачастую используются и в «стратегических притязаниях» на этот регион¹. Искаженные знания о прошлом, как правило, способствуют формированию националистического самосознания, особенно молодежи. Ответ на этот вызов должен быть дан на основе научного анализа объединительного процесса, сложностей и противоречий в его развитии.

¹ Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп, 1999. С.29.

Эта историческая проблема напрямую сопряжена с нынешними интеграционными процессами, в которые объективно и закономерно включены все народы постсоветской России. Сложность и противоречивость этих процессов актуализирует опыт прошлого во всем его позитивном и негативном многообразии. Данное исследование направлено на более глубокое исследование истории народов Северо-Восточного Кавказа, усиление исторических перспектив России как целостного федеративного государства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVIII в. до конца 20-х гг. XIX в.

Рассматриваемый период характеризуется военным и дипломатическим соперничеством между Российской империей, шахским Ираном и османской Турцией в восточном направлении. Каждая из держав знаменитого «треугольника сил» претендовала на господство на Кавказе. В свою очередь, европейские державы (Англия, Франция и др.) активно и открыто вмешивались в «восточный вопрос», составной частью которого стал Кавказ.

В этой сложной и противоречивой обстановке народы Северо-Восточного Кавказа были поставлены перед выбором внешнеполитической ориентации. Большинство из них приняло пророссийскую ориентацию, но на некоторых этапах истории другая часть была в конфронтации с Россией. Эти обстоятельства оказали решающее влияние на характер процесса присоединения народов Северо-Восточного Кавказа к Российской империи.

Судьбоносными для народов Северо-Восточного Кавказа стали внешнеполитические успехи Российской империи и международные правовые акты, которые юридически закрепили территорию и народы региона в ее составе.

Хронологические рамки диссертации включают в себя цельный исторический период поступательного расширения и укрепления, российско-кавказских, российско-дагестанских политических, торгово-экономических и иных отношений. Это эпохальный период вовлечения края во всероссийский рынок, в пространство Российской империи – мощного и сложного социально-политического и духовно-культурного организма, время приобретения данным историческим регионом новых качественных характеристик.

Географические рамки исследования определяются территорией Северо-Восточного Кавказа, включающей Дагестан и Чечню. Вместе с тем, внешне и внутриполитический контекст темы исследования предполагает выход «в турецкое закубанье» (Северо-Западный Кавказ), в Кабарду, Балкарию, Карачай, Осетию и Ингушетию. При этом в ряде случаев географические рамки выходят на территорию Южного Кавказа. Данный подход обоснован фактом географического и геополитического единства Кавказа.

Методология и источники исследования. Методология основана на совокупности специально-исторических, философских, общенаучных и других методов. Система изложения, обобщения и анализа материала предусматривала характерный для исторической науки многофакторный подход в трактовке различных событий. При этом диалектический метод позволил рассматривать объект и предмет исследования в динамике и многообразии возникающих связей и отношений.

В работе использовались такие методологические приемы, как выявление причинно-следственных связей, анализ, синтез, сравнение и обобщение,

историко-типологический метод. Были использованы принципы логического отбора фактического материала, а также система методов исторического описания и актуализации.

Применение как специально-исторических, так и общенаучных методов позволило представить исследуемую проблему на фоне общих тенденций развития народов Северо-Восточного Кавказа и проанализировать содержание кавказской политики России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в.

Использование проблемно-хронологического метода позволило изучить исходный уровень разработки вопроса, выявить его составные положения и определить структуру диссертации.

Данное исследование базируется на комплексе опубликованных и архивных материалов.

В качестве источниковой базы исследования послужили документальные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ МИД РФ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Центрального государственного исторического архива Республики Грузия (ЦГИА РГ), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ), публикации архивных материалов, а также данные мемуарной литературы, свидетельства нарративных источников и т.д.

Объектом исследования является анализ особенностей политики России, Ирана и Турции (**военно-политические, дипломатические события и процессы**) по отношению к Северо-Восточному Кавказу и народам региона в XVIII – 20-е гг. XIX вв., а также анализ сложных внутривосточных процессов в регионе в контексте международных отношений.

Предметом исследования является Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII - 20-е гг. XIX в.

Цель и задачи исследования. С учетом научной и практической актуальности темы, а также отсутствия обобщающего исследования по истории Северо-Восточного Кавказа в обозначенной хронологии, автор определяет целью диссертации комплексное исследование политики России, Ирана и Турции на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – 20-е гг. XIX в.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- раскрыть историографические аспекты проблемы в ретроспективе, и современное ее состояние;
- охарактеризовать используемые источники, важнейшие концептуальные подходы по данной проблеме;
- охарактеризовать особенности этнотерриториальной, социальной и этнополитической ситуации на Северо-Восточном Кавказе в обозначенный период;
- выявить истоки кавказского направления в восточной политике России в эпоху правления Петра I и его утверждение в ходе Каспийского похода (1722 г.);

- показать геополитическую и региональную стратегию и тактику России, Ирана и Турции на Северо-Восточном Кавказе в первой четверти XVIII в., накануне и в годы русско-турецкой войны (1735-1739 гг.);
- проанализировать цель, специфику и особенности кавказской политики России и Турции на Северо-Восточном Кавказе в 50-х – середине 60-х гг. XVIII в.;
- показать влияние итогов русско-турецкой войны 1768–1774 гг. на политическое развитие народов Северо - Восточного Кавказа;
- раскрыть влияние внешнеполитических и торгово-экономических факторов на политическую ситуацию в регионе в последней трети XVIII в.;
- охарактеризовать варианты вхождения / присоединения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России;
- выявить специфику политики царской России, шахского Ирана и султанской Турции в 1796-1804 гг. на Северо-Восточном Кавказе;
- определить место Северо-Восточного Кавказа в политике России, Ирана и Турции в 1804-1816 гг.;
- осуществить сравнительно-исторический анализ изменений, произошедших в политике России, Турции и Ирана на Кавказе в 1816-1829 гг. и дать оценку историческим последствиям военно-политических побед России в геополитическом соперничестве с Ираном и Турцией для народов Северо-Восточного Кавказа.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней:

- осуществлено специальное и комплексное исследование места и роли народов Северо-Восточного Кавказа в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX вв. на фоне социально-политической динамики;
- выявлены этнополитические, торгово-экономические, конфессиональные факторы, повлиявшие на ход внешнеполитических событий, в которых народы Северо-Восточного Кавказа выступают не только как объект, но и как субъект исторических событий;
- раскрыты историческая цель и содержание политики Российской империи, шахского Ирана и Османской империи на Северо-Восточном Кавказе, а также роль политико-дипломатических позиций европейских держав в кавказском соперничестве России, Ирана и Турции;
- определено место Северо-Восточного Кавказа в развитии Восточного вопроса;
- осуществлен анализ внешних и внутренних конфликтов в регионе (военного фактора) в общей канве политики соперничающих держав в целом;
- исследованы особенности политики России и определен его «военно-колониальный» вектор как предшествующий «колониальным» целям на Северном Кавказе в целом и на Северо-Восточном Кавказе, в частности;
- вводятся в научный оборот документы из центральных и региональных архивов, содержащие оригинальные сведения и позволяющие сделать новые выводы;
- охарактеризованы внешнеполитические события, происходившие на Северо-Восточном Кавказе как часть общемирового процесса, определившего

начальный этап формирования новой глобальной мировой системы, включающей в себя Россию и Кавказ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав (включающих 16 параграфов), заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложения. Общий объем составляет 497 страниц.

Апробация результатов исследования. Представленные в диссертации основные идеи и результаты изложены в монографиях «Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII – первой половине XIX вв.», «Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX вв.», в 14 статьях журналов списка ВАК; в статьях тематических сборников международных, всероссийских и региональных конференций, в учебно-методических трудах. Общий объем публикаций составляет более 75,5 п.л. Работа обсуждена на заседании научно-исследовательского Центра этнополитических стратегий Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова и рекомендована к защите (протокол №8 от 24 апреля 2013 г.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в диссертации материал может послужить теоретической и практической основой для новых разработок по российско-кавказским отношениям в XVIII – 20-е гг. XIX вв.

Фактический материал, содержащийся в диссертации, может быть использован при создании обобщающих трудов по истории Северного Кавказа, для изучения истории народов этого региона, а также при подготовке курсов лекций, при написании учебников и учебных пособий по отечественной и новой истории.

Материалы исследования представляют большой интерес и в междисциплинарном аспекте, так как могут быть широко использованы специалистами по исследованию проблем истории политики, геополитики, общественных отношений, национальной политике и межнациональных отношений в сложном и проблемном регионе.

Содержание и выводы работы, с учетом прогностических функций исторической науки, могут быть учтены при анализе современной политической обстановки на Северном Кавказе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Решающим периодом взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа с Россией, Турцией и Ираном является XVIII – 20-е гг. XIX в. Их военное, дипломатическое соперничество, сопровождалось и целенаправленным вмешательством европейских держав (Англии и Франции), противостоящих усилению России в восточном направлении.

2. Единая стратегическая линия, направленная на укрепление российских позиций, сохраняется на протяжении исследуемого периода. После поражения России на западном направлении и заключения Прусского (1711 г.), а затем Адрианопольского (1713 г.) и Константинопольского (1720 г.) договоров, определивших Северо-Западный Кавказ под протекторатом Турции, Петр I обращает свое внимание на юго-восточное направление и предпринимает Каспийский поход 1722 г., воспользовавшись сложной внутривосточной ситуацией в Иране. Успех в этом направлении был невозможен без преодоления барьера Северо-Восточного Кавказа, что и определило данный

регион в качестве постоянного объекта соперничества «треугольника сил» - России, Ирана и Турции.

Победа в русско-турецкой войне 1735-1739 гг. и подписание Белградского мира не ознаменовали военный и дипломатический успех России, но уравнивал положение России и Турции на международной арене.

3. Борьба народов Северо-Восточного Кавказа обескровила персидскую армию, и стала залогом на пути захватнических устремлений Персии в северном направлении ее внешней политики. Победа над войсками Надиршаха приобрела международный характер. Отныне соперничество России и Турции за овладение Северо-Восточным Кавказом приобрело жесткий характер.

Победа России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., создала благоприятную обстановку для усиления пророссийской ориентации народов Северо-Восточного Кавказа.

4. Этнополитическая обстановка в последней трети XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе отличалась динамичностью в связи с усилившимися процессами феодализации, религиозно-мировоззренческой трансформацией и активным вовлечением в орбиту внешнеполитической борьбы «треугольника» сил на кавказском плацдарме.

Освободительная борьба народов Северо-Восточного и Южного Кавказа против персидского владычества, нашествия крымцев, в свою очередь, усилили соперничество Российской и Турецкой держав за господство в регионе. Двойственность, непоследовательность, противоречивость османской и российской политики на Кавказе влияли на характер и содержание освободительной борьбы, создавая разнобой во внешнеполитической ориентации владетелей и старшин, толкая одних в сторону России, других – в сторону Порты, а третьих – на сближение с Персией.

Георгиевский трактат 1783 г. и протекторат России над Восточной Грузией – это прорыв России в закавказские «персидские пределы», который положил начало включению Северо-Восточного Кавказа в политико-административное пространство Российской империи. Однако, введение «приставской» системы администрирования обусловило конфликтное восприятие, как самой российской власти, так и ее институтов, внедрявшихся в горскую среду.

5. Обострение обстановки на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. происходило в связи с усилением реваншистской политики Турции и Ирана и потворствующей им политики западных сверхдержав.

Именно поэтому строительство и укрепление Россией Кавказской линии было мерой необходимой (с учетом планов Турции и Ирана, а также с участвовавшими набегами горцев).

6. С началом XIX века российская политика на Северо-Восточном Кавказе активизируется: особенности внутри- и внешнеполитической обстановки способствовали проведению мирных и военных мер российской власти в отношении народов региона и как результат этого – в 1802-1803 гг. ханства, княжества и «вольные общества» приняли покровительство России.

7. Георгиевский договор 1802 г. – первый опыт федеративного союза владельцев Северо-Восточного и Южного Кавказа. Этот договор был по

существо превентивным мирным шагом в условиях накалившихся внешнеполитических российско-иранских и российско-турецких отношений и являлся прецедентом для заключения подобного рода договоров с другими правителями Кавказа.

8. Победоносные войны России с Ираном и Турцией в начале XIX в. – это «прорыв» России в Закавказье, а заключение Гюлистанского мирного трактата 1813 г. между Россией и Персией определил Северо-Восточный Кавказ тыловой территорией России. С этого времени проблема определения статуса народов Северо-Восточного Кавказа (вассального или подданнического) по отношению к России требовало не ситуативного, а перспективного решения.

9. Войны с Ираном в 1826-1828 гг. и Турцией в 1828-1829 гг. соответственно и заключение Туркманчайского и Адрианопольского договоров перевели Северо-Восточный Кавказ из внешнеполитической проблемы России во внутреннюю.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, степень научной разработанности, сформулированы цель и задачи, объект и предмет исследования, охарактеризованы географические и хронологические рамки, научная новизна, положения, выносимые на защиту и апробация исследования. Определена методологическая основа диссертации, установлена источниковая база, а также научная и практическая значимость работы.

Первая глава «Историографические аспекты проблемы, источниковая база» состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Историография проблемы досоветского периода» анализируются историографические подходы и трактовки проблемы.

В трудах дореволюционных авторов, отражающих внешнюю политику России на Северном Кавказе, отмечается геополитическая важность Кавказа для России. В работах русских историков XVIII-XIX вв. В.Н. Татищева,

Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского² отмечалась значительная роль народов региона в международных отношениях. Эти и другие авторы рассматривали и Кавказ как объект внешней политики России.

Русский ученый и дипломат С.С. Татищев пытался доказать миролюбие и бескорыстие внешнеполитического курса русского царизма на Востоке.³ Аналогичную позицию в освещении «восточного» вопроса занимал и

² Татищев В.Н. История Российская. М., 1962-1968. Т. 1-7; Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988-1989. Кн. 1-3; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988-1995. Кн. 1-15; Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1956-1959. Ч. 1-8.

³ Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1887; Он же. Дипломатические беседы о внешней политике России. СПб., 1898.

С.А. Жигарев⁴. Он признавал как второстепенный фактор наличие у Российской империи экономических интересов на Востоке, противоречия в религиозных различиях.

В трудах ранней русской историографии С.М. Броневского⁵, И.Ф. Бларамберга⁶, А.П. Берже⁷ слишком преувеличенно представляется религиозный контекст как главная составляющая в отношениях народов Северо-Восточного Кавказа с Россией и восточными державами.

В трудах Р.А. Фадеева,⁸ М.М. Острогорского,⁹ М.А. Волкова¹⁰ внешнеполитическая составляющая российской политики на Кавказе идеализируется, акцентируя внимание на геополитической важности Кавказа для России.

В этом же ряду типичных представителей историографии «дворянского направления» следует отметить П.Г. Буткова,¹¹ И.О. Дэбу,¹² В.А. Потто,¹³

Н.Ф. Грабовского,¹⁴ С.Я. Головчанского,¹⁵ Н.А. Волконского,¹⁶ А.Л. Зиссермана,¹⁷ П.Н. Романовского,¹⁸ Н.Ф. Дубровина,¹⁹ С.С. Эсадзе²⁰ и др.

Труды данных авторов насыщены документальными источниками, извлеченными из центральных архивов и архива наместников Кавказа, отражающие военно-политические проблемы во взаимоотношениях России, Турции и Ирана на Кавказе, противостояние Франции и Англии в продвижении России на Ближнем Востоке, Балканах и на Кавказе. В их

⁴ Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896.

⁵ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

⁶ Бларамберг И. Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

⁷ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1839.

⁸ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Он же. Письма с Кавказа // Собр. соч. СПб., 1881. Т.1.

⁹ Острогорский М. М. Завоевание Кавказа (1801-1804). Рассказ из отечественной истории. СПб., 1880.

¹⁰ Волков М.А. Значение Кавказа в Восточном вопросе // День. 1881. № 25.

¹¹ Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. В 3-х частях. СПб., 1869.

¹² Дебу И. О кавказской линии и присоединившем к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, отражающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах 1816-1826 гг. СПб., 1829.

¹³ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., Тифлис. 1891. Т.1-5.

¹⁴ Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9.

¹⁵ Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914.

¹⁶ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886.

¹⁷ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). Т. I. СПб., 1881.

¹⁸ Романовский П. Кавказ и кавказская война. СПб, 1860.

¹⁹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1880. Т.3, 4.

²⁰ Эсадзе С.С. Боевые подвиги Кавказской армии. Тифлис, 1908.

исследованиях затронуты отдельные вопросы рассматриваемой проблемы, отмечая при этом, что завоевание Кавказа являлось исторически необходимым для обеспечения безопасности южных рубежей Российского государства и в целом прогрессивным для кавказских народов. В то же время сущность «Восточного вопроса» зачастую сводилась к борьбе между Европой и Востоком, между мусульманством и христианством.

Представители ранней дагестанской историографии Гасан Алкадари и Абас-Кули Бакиханов²¹ в работах, посвященных истории Дагестана и Ширвана, основываясь на материалах, извлеченных из восточных рукописей, российских источников, осветили некоторые сюжеты из истории российско-турецко-иранских отношений и роли Северного Кавказа во взаимоотношениях России с сопредельными странами Востока. Освещение внутренних и внешнеполитических событий в регионе в их работах в основном носило описательный характер. В них не раскрываются побудительные мотивы внешнеполитической ориентации местных правителей, встречаются поверхностные выводы, допускаются некоторые ошибки в изложении хода событий.

Особую группу в дореволюционной историографии составляют труды других кавказских историков - Хан-Гирея,²² Ш.Б. Ногмова,²³ В.Н. Кудашева,²⁴ У. Лаудаева²⁵, в которых они указывают на давность русско-северокавказских отношений.

Во втором параграфе **«Отечественная и зарубежная историография в новейший период»** выделяется ряд периодов, характеризующихся изменением социально - политической ситуации в стране и связанной с ней эволюцией научно-исторических подходов, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В начальный период становления советской историографии в 20-40-е гг. XX в. внешнеполитическая деятельность царизма на Северном Кавказе, в том числе в Чечне и Дагестане, получила освещение в трудах М.Н. Покровского, Г.А. Кокиева, Б.В. Скитского.²⁶ Главной причиной завоевания Россией кавказских территорий, по мнению Б. В. Скитского, являлась агрессия русского торгового капитала, а антирусская позиция горских князей объяснялась им искусственным «разжиганием» Россией классовой борьбы внутри горского общества.

²¹ Алкадари Г. Асари Дагестана. Махачкала, 1926; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

²² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

²³ Ногмов Ш.Б. Филологические труды. В 2-х томах. Нальчик. 1956 (том I); 1959 (том II).

²⁴ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991.

²⁵ Лаудаев У. Чеченское племя / ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6.

²⁶ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 179-220; Кокиев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. Сталинир, 1933. Вып. 1; Его же. Из истории сношения России с Кавказом. Нальчик, 1946; Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

В ранних трудах А.З. Иоаннисяна²⁷, А.В. Фадеева²⁸, Н.А. Смирнова²⁹, Е.Н. Кушевой³⁰, Н.С. Киняпиной³¹, закрепился термин «колониальная политика» при оценке характера политики России на Кавказе в XVIII – XIX вв.

А.Р. Иоаннисян, М.А. Игамбердиев, Н.А. Кузнецова, А.Д. Новичев, Г.Г. Пайчадзе, Ф. Абдуллаев, Б.Н. Балаян, М.С. Иванов³² и др. останавливались, преимущественно, на отрицательных сторонах политики российского правительства, а присоединение нерусских народов к России оценивалось как «абсолютное зло».

В разной степени внешнеполитические проблемы обозначенного в диссертации периода нашли в трудах ряда других ученых А.А. Абдурахманова, Б.Г. Алиева, Т.Т. Мустафы-заде, Т.Д. Боцвадзе, М.Р. Гасанова, Х.М. Ибрагимбейли, Я.З. Ахмадова, Ш.А. Гапурова, Р.Г. Маршаева, Ф.З. Феодаевой, Н.А. Сотавова, Р.М. Магомедова, В.И. Шеремета, И.И. Якубовой, В.В. Дегоева, А.Д. Панеша, А.Ю. Чирга³³ и др.

²⁷ Иоаннисян А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ 1973. М., 1946.;

²⁸ Фадеев А.В. Бухарестский мир 1812 г. и вопрос о кавказских границах // Ученые записки историко-филологического факультета. Харьков, 1952; Он же. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

²⁹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958.

³⁰ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.

³¹ Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1958.

³² Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1959; Игамбердиев М.А. Иран в международных отношениях в первой трети XIX в. Самарканд, 1961; Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX. М., 1983; Новичев А.Д. История Турции. Эпоха феодализма (XI-XVIII). Л., 1963. Т. I.; Пайчадзе Г.Г. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; Абдуллаев Ф. И. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент, 1971; Балаян Б.Н. Международные отношения Ирана в 1813 г. Ереван, 1967; Иванюв М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952.

³³ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой пол. XVIII в. Баку, 1964; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII– первая пол. XIX в.). Махачкала. 2006; Мустафа-заде Т. Т. Кубинское ханство. Баку, 2005; Он же. Азербайджан и русско - турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993; Боцвадзе Т. Д.; Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски, этюды). Махачкала, 2004; Ибрагимбейли Х. М. Россия и Северный Кавказ в XVI - первой половине XIX века в освещении современной буржуазной историографии// История СССР. 1981. №2. С. 185-199; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. М., 2009; Он же. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001; Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004; Маршаев Р.Г. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй пол. XVIII– нач. XIX в. М., 2008; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968; Шеремет В.И. Турция и Адрианонопольский мир 1829 г. М., 1975; Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII в. Нальчик, 1993; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003; Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2006;

Новые концептуальные подходы в трактовке русско-кавказских отношений, политики Ирана, Турции, европейских держав, с учетом особенностей регионального фактора, были предприняты М.М. Блиевым, В.В. Дегоевым, В.Б. Виноградовым, С.Ц. Умаровым³⁴ и др. Они подвергали сомнению сам факт наличия в политике царизма «черты колониализма», утверждая, что политика России на Кавказе вплоть до 1861 г. не была «колониальной». В этой связи началась научная полемика, которая носила достаточно аргументированный характер. Но она зачастую имела идеологизированный, а на рубеже XX-XXI вв. и политизированный характер³⁵. Это актуализировало проблемы в этой области и их обсуждение на страницах академических изданий и на научных конференциях. Более того, это привело к написанию, как обобщающих научных трудов, так и небольших по объему специальных исследований. Введенное в 70 – начале 80-х годов XX в. понятие «добровольное вхождение в состав России» стало применяться в качестве доминанты российско-сеveroкавказских отношений второй половины XVIII века³⁶, что нашло отражение в обобщающих трудах по истории Северного Кавказа³⁷.

Кавказоведы М.М. Блиев,³⁸ В. Б. Виноградов,³⁹ а вслед за ними Б.В. Виноградов и Ю.Ю. Клычников⁴⁰ считают, что «экспансионизм» горцев

Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60^е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.

³⁴ Блиев М.М., Дегоев В. В., Умаров С. Ц. Вместе к великой цели. Грозный, 1983; Виноградов В. Б., Айларова С. А. К вопросу о методологической состоятельности некоторых терминов в оценке освободительного, антифеодалного движения горцев // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция. 20-22 июля 1989г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994 и др.

³⁵ См. «Круглый стол». Актуальные проблемы истории колониализма // НИИИ. 1989. № 4. С.40; Ортобаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4; Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала, 1987; Гамзатов Г.Г. Перестройка и национальное сознание. Аспекты гуманитарные и исторические // Советский Дагестан. 1988. № 6; Он же. Преодоление, становление, обновление. Махачкала, 1986; Он же. Дагестан. Историко-литературный процесс, вопросы истории, теории методологии. Махачкала, 1990; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала, 1994; Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991; Он же. Шамиль и Кавказская война. Махачкала, 1998; Акаев В.Х. Об антинаучных концепциях в освещении Кавказской войны в исторической науке // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докл. науч. конф. Махачкала, 1997; Гапуров Ш.А. Некоторые спорные вопросы в российско-северокавказских отношениях в XVI-XIX вв. // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докл. науч. конф. Махачкала, 1997 и др.

³⁶ Вехи единства. Грозный, 1982.

³⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

³⁸ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

³⁹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2006.

вынуждал Российскую империю предпринимать ответные действия, добиваясь воплощения в реальности международных договоров, заключенных сторонами, являвшимися субъектами международных отношений и международного права. Исследователи полагают, что «имелись объекты (народы Северного Кавказа. – К.М.) межгосударственных договоров, находившиеся на той ступени стадийного развития, которая по условию отвергала возможность государственного подчинения...»⁴¹.

Полемизирующая сторона в лице Р.М. Магомедова, Х.Х. Рамазанова, В.Г. Гаджиева, Ф.В. Тотоева, Ш.А. Гапурова⁴² и др. подчеркивали превалирование военных, насильственных методов в проведении колониальной экспансии на Северном Кавказе с последней трети XVIII в. «Значение этих методов, - подчеркивает Ш.А. Гапуров, - усиливалось по мере роста военного могущества России, ослабления ее противников в Европе и Азии»⁴³. Отмечу, что по сегодняшний день, по справедливому замечанию дагестанского исследователя Р.Р. Гашимова⁴⁴, «кавказофобия» и «русофобия» не только присутствует в научных трудах, но и имеет тенденцию наращивания.

Диапазон научных изысканий историков расширился в конце XX – начале XXI вв. Большое значение для анализа проблемы нашего исследования имеет фундаментальное исследование член.-корр. РАО А.А. Магомедова в котором подробно и многопланово характеризуются межнациональные отношения на Кавказе, в том числе и их ретроспективный аспект⁴⁵.

⁴⁰ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002; Виноградов Б. В., Виноградов В. Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012.

⁴¹ Виноградов Б. В., Виноградов В. Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 50.

⁴² Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.,1965; Тотоева Ф. Т. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Социально-экономические отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978; Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004; Он же. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). Грозный, 2006..

⁴³ Гапуров Ш. Методы колониальной политики царизма в Чечне в первой половине XIX в. // <http://www.sakharovcenter.ru/guest.htm>; http://www.chrus06_1/htm; Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик, 2008.

⁴⁴ Гашимов Р.Р. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века: проблемы освещения в отечественной историографии конца XX-начала XXI в. - Дагестан в истории Кавказа и России // Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 25 ноября 2011г.). Махачкала, 2012. С.106-109.

⁴⁵ Магомедов А.А. Межнациональные отношения: интернациональное и патриотическое воспитание. М.,2004.

Также особый интерес представляет коллективная монография Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева⁴⁶ по проблемам военно-дипломатического соперничества России, Турции, Ирана, европейской сверхдержавы Англии на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв., в которой были освещены северокавказские и «закавказские» интересы Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. в их взаимосвязи. Исследование политики России на Кавказе в контексте внешнеполитических процессов углубил талантливый исследователь, профессор МГИМО В.В. Дегоев⁴⁷.

Исследование внешнеполитических факторов и их влияние на Северо-Западном Кавказе, а также на политическую ситуацию на Кавказе в целом достаточно емко представлено в трудах Т.М. Феофилактовой⁴⁸, но не менее интересны трактовки геополитики Кавказа в увязке с событиями в регионе в трудах Д.Ю. Арапова⁴⁹, В.В. Черноуса и С.Э. Циховского⁵⁰.

Большая часть ученых единодушны во мнении, что причиной русско-персидских и русско-османских войн были не приграничные конфликты, а геополитическое соперничество между шахским Ираном, султанской Турцией, Российской империей и западными державами – Англией и Францией за господство на Кавказе (С.Ф. Орешкова, Я.З. Ахмадов, Н.А. Сотавов, Г.А. Джахияев, Ш.А. Гапуров, Э.Г. Джахияева и др.)⁵¹. Однако, в исследованиях советских авторов 50-90-х гг. XX в. присутствовали выводы и

⁴⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII - 80е гг. XIX в. М., 1984.

⁴⁷ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2011.

⁴⁸ См. например: Феофилактова Т. М. Северо-Западный Кавказ во внешней политике России во второй половине XVIII в. Ростов-н/Д., 1975.

⁴⁹ Арапов Д.Ю. «Манифест» 8 апреля 1783 г.: подготовка, принятие, международное признание // Сборник российского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152). С. 229.

⁵⁰ Черноус В.В., Циховский С.Э. Кавказский вопрос как геополитическая проблема: история и современность// Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Ростов-н/Д., 1998. С. 11-12.

⁵¹ Орешкова С.Ф. Русско – турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Орешкова С. Ф., Ульянов Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 199.; Ахмадов Я.З. Народы Северного Кавказа во внешней политике России, Ирана и Османской империи (XVI – первая четверть XVIII в.). Автореф. дисс... д.и.н. Ростов-н/Д., 1989; Он же. Северный Кавказ и великие державы: прошлое и настоящее. // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Ростов н/Д. 1998. С.27 – 30; Сотавов Н.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала, 1980; он же: Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; он же. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000; он же. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира. 1700-1774. М., Наука. 1991; Джахияев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1929 гг.). Махачкала, 1991. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004; Джахияева Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: Автореф. дисс... д.и.н. Махачкала, 2007.

утверждения о том, что «кавказская политика России не являлась составной частью восточного вопроса»⁵². В этой связи определенный интерес представляет работа профессора С.Р. Чеджемова, посвященная анализу государственно-правового аспекта истории народов Северного Кавказа⁵³.

Тенденция теоретического и методологического осмысления внешней политики России в целом, и «восточного вопроса», в частности, еще в конце 70-х – 80-е годы XX в. заявила право на свое существование в обобщающих трудах⁵⁴, где были обобщены результаты исследований советских историков и обозначены еще не разработанные вопросы внешней политики России на Кавказе и российско-кавказских отношений, разработана периодизация российско-кавказских отношений. Бесспорно, был определен концептуальный подход в разработке проблемы в принципе, а не исследование проблем нашей темы в обозначенном пространственно – географическом и временном диапазоне.

Следует подчеркнуть, что первое десятилетие XXI в. ознаменовалось в отечественной историографии выходом специальных исследований, в которых значительное внимание уделено месту и роли регионального фактора в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII-XIX вв. Значимым шагом в разработке проблемы в таком контексте стали докторские диссертации И.И. Якубовой, А.К.Чеучевой, А.Н. Рябикова.⁵⁵

Достаточно плодотворным стало и исследование проблем внутреннего развития северокавказских народов.⁵⁶

⁵² Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченков М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1978.

⁵³Чеджемов С.Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России. Владикавказ, 2012. 336 с.

⁵⁴ Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1983; Внешняя политика России в XIX- нач. XX вв. Док. Российского Министерства иностранных дел. Серия I (1801-1815 гг.) / Под ред. А.Л. Нарочницкого и др. Т. I-VIII. М., 1960-1972,1974-1985; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.и др.

⁵⁵ Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX в. Дисс...д.и.н. Нальчик, 2004; Чеучева А. К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII-60-х гг. XIX вв. Автореф...д.и.н. М., 2008; Рябиков А. Н. Военно – дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в» Автореф...д.и.н. Краснодар, 2010.

⁵⁶ Дзидзоев В.Д. Народы Северного Кавказа в XVIII – XIX вв. Владикавказ. 1994; Нальчик: КБГСХА, 1995; Его же. Из истории взаимоотношений народов Северного Кавказа в XVIII- XIX вв. (историко-этнологическое исследование). Махачкала. 1997; Его же. Осетия в системе взаимоотношений народов Кавказа в XVIII- начале XX в. (историко-этнологическое исследование). Владикавказ. 2001; 2003; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста. 2002; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001; Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Армавир, 2001; Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV – XVIII вв. (проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами): Автореф. дис....д.и.н. Махачкала, 2001; Гаджиева С.Ш. Кумы-

Исследованию колониальных, геополитических интересов европейских государств, вовлеченных в развернувшиеся конфликты за господство на Кавказе в обозначенный период, посвящены работы иранских, турецких исследователей⁵⁷.

Надо отметить, что концептуальные взгляды представителей новейшей европейской и американской историографии по вопросам восточной политики Российской империи не претерпели существенных изменений. Подтверждение тому - монографии Ф. Бейли, М.С. Андерсена⁵⁸ и др., в которых внешняя политика России представлена агрессивной, а политика Англии, Франции и других - оборонительной и т.д. Квинтэссенция таких оценок представлена в труде американского политолога Д.П. Донна⁵⁹. Вместе с тем, некоторые американские исследователи с позиции объективизма признают агрессивность держав - Англии, Франции, Австрии и России в «восточном вопросе» и традиционные обвинения России в постоянном экспансионизме смягчаются, облекаются в более научнообразные формы. Такой же позиции следуют и восточные исследователи А. Джвдет, И. Беркок (Турция), М. Хекмат, Р.Сардари (Иран).

В западной историографии 90-х гг. XX в. доминировали консервативные тенденции историографии 30-50-х гг. XX в. Следуя сложившейся традиции западной историографии, ряд автор продолжали представлять историю взаимоотношений между Россией и Северным Кавказом только как военную. В таком контексте исследовались события повстанческих и освободительных движений народов Северо-Восточного Кавказа, в частности, в трудах французского исследователя А. Беннигсена⁶⁰.

В современной западной исторической литературе настойчиво вводится в научный оборот термин «фронтир» (граница или пограничная зона), разработанный для американской истории Фредериком Тернером. В последнее десятилетие в зарубежной историографии, посвященной политике царизма на Кавказе в XVIII-XIX столетиях, рассматривается российское пограничье как своеобразный «фронтир», где действовала иная логика взаимоотношений им-

ки. М., 2005; Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994; Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2008; Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII - первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2004; Она же. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII - первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007; Махмудова К.З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII - первой половине XIX вв. М., 2012.

⁵⁷ Информационно-аналитический бюллетень Совета Национальностей ВС РФ и Института этнологии и антропологии РАН. 1993. 1/93; Burdett A. L.P. Caucasion boundaries. Documents and maps. 1802-1946. С П. Oxford, 1996 и др.

⁵⁸ Beily F.E. British policy and Turkish Reform Movement. Camdrige, 1942; Andersen M. The Fastern Question 1774-1923. New-York, 1966.

⁵⁹ Донн Д.П. Российская империя и миф. 1700-1917: геополитика экспансии и сдерживания // Отечественная история. 1988. №3. С. 186-187.

⁶⁰ Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. / Вступительная статья, подстрочные примечания и общая редакция профессора В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994.

перской власти и местного населения: торгово-экономические, культурные взаимоотношения, взаимный обмен техникой агрокультуры и т.п.

По мнению и некоторых российских исследователей, русско-северокавказский «фронтир» определяется как «сложный способ военного, хозяйственного и культурного взаимодействия России с местными народами»⁶¹. В таком контексте трактуемая идея северокавказского «фронтира» статья Томаса М. Барретта⁶² представляет определенный интерес.

Третий параграф **«Источниковая база исследования»** строится на различных по виду и информационной насыщенности источниках, как архивных, так и опубликованных.

Большое значение имеют материалы фондов архивов, содержащие в подлинниках или в копиях фирманы и воззвания турецких султанов и персидских шахов к народам Северного Кавказа, материалы, освещающие внешнеполитические сношения правителей Северо-Восточного Кавказа с царской Россией, Османской империей и Персией. В этом смысле большую ценность представляют документы фондов РГВИА: Военно-ученого архива (Фонд ВУА.), штаба войск Кавказской линии и Черноморья (Фонд 13454), Коллекция Кабинетного дела (Фонд 24), Коллекция дел Персии, Турции, а также материалы фондов 52, 414, 1087 и др.

В них содержатся донесения российских послов и конфидентов из Стамбула, Тегерана, Тевриза, рапорты и сообщения главкомов на Кавказе, военные отчеты, раскрывающие характер отношений народов Северного Кавказа с указанными государствами и показывающие деятельность дипломатов Англии, Франции, Австрии, Пруссии и Швеции. Обращают на себя внимание фонды «Сношения России с Турцией», «Сношения России с Персией», «Кумыцкие дела», раскрывающие различные аспекты кавказской политики царской России, Османской империи, Персии, а также Англии и Франции, копии фирманов османского и шахского правительств к владетелям и обществам Северного Кавказа, призывавших народы региона к «священной войне» против России.

Проекты, донесения, рапорты русских резидентов, пограничной администрации России позволили детально изучить методы решения «кавказской проблемы». Они содержат оперативные сведения о внутреннем положении на Северо-Восточном Кавказе, выявляют причины российской политической ориентации горских народов.

В фондах РГВИА: «Воинская экспедиция Военной коллегии» (Фонд 20), «Дела князя Потемкина-Таврического» (Фонд 52), «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе» (Фонд 482) и др. содержатся документы и материалы, свидетельствующие о дипломатическом, политическом и военном

⁶¹ См. Щербина А.В. Проблема кавказского «фронтира» императорской России в современной западной историографии // Кизляр в кавказской политике России: история и современность. Сб. ст. и докл. научно-практической конференции университетов Юга России, посвященной 270-летию города Кизляра. Кизляр, 2005. С. 171; Дипломатическое противостояние России и Англии. 1864-1914. М., 2004. С. 543.

⁶² Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163-195.

противостоянии, развернувшимся между шахским Ираном, султанской Турцией и Крымом, с одной стороны, и Россией – с другой, по вопросу Северо-Восточного Кавказа. Анализ этого материала позволяет глубже вникнуть и осмыслить внешнеполитические планы противоборствующих держав, понять методы и приемы их реализации. Документы указанных фондов дают возможность основательно изучить вопросы социального, политического, военного положения в регионе, проанализировать отношения местных народов к процессам и событиям, происходившим на Северо-Восточном Кавказе, а также определить степень их участия в них.

Из документов, хранящихся в РГАДА, в исследовании использованы материалы фондов: «Кабинет Петра I» (Фонд 9), «Кавказские дела» (Фонд 23), «Сношения России с Турцией» (Фонд 89), «Дела Андреевской деревни» (Фонд 101), «Ахсайские дела» (Фонд 115); материалы фондов АВПРИ: «Сношения России с Персией» (Фонд 77), «Сношения России с Турцией» (Фонд 89), «Константинопольская миссия» (Фонд 90), «Кумыцкие и Тарковские дела» (Фонд 121). Документы фондов раскрывают положение дел на Северном Кавказе. Особую ценность имеют содержащиеся в фондах тексты грамот, договоров, обязательств российских, иранских и турецких правительств, которые относятся к изучаемому времени. Кроме того, сведения из фондов помогают выявить различия в политических ориентациях и действиях тех или иных горских обществ, группировок в среде местного населения, воссоздать процесс принятия местными народами российского подданства.

Особо содержательные документы содержатся в Центральном государственном историческом архиве Республики Грузия (ЦГИА РГ) в фондах «Правитель Грузии» (Фонд 16), «Журналы донесения императору» (Фонд 2), «Дипломатическая канцелярия наместника» (Фонд 11). Ценный материал содержится в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестана (ЦГА РД) «Кизлярский комендантский архив», куда входят «Кизлярский комендант» (Фонд 379), «Дербентский комендант» (Фонд 18). В Российском фонде ИИАЭ ДНЦ РАН особый интерес представляют «Документы по истории Дагестана XVIII-XIX вв. (Фонд 1), «Документы по русско-дагестанским отношениям в XVIII в.» (Фонд 1), а также наряду с архивными документами местного происхождения здесь имеются архивные документы, выявленные дагестанскими исследователями в центральных архивах страны. Хранящиеся в этих фондах материалы представляют собой документы официального характера – донесения, в частности, русских резидентов в Иране; отчеты, отписки, рапорты местной русской администрации правительству; письма и прошения владетелей к царю и Кизлярскому коменданту и др. Все они характеризуют картину внешнеполитических, внутривнутриполитических и торгово-экономических связей Северо-Восточного Кавказа (и Закавказья) с Россией, Турцией и Ираном.

В новейшее время были опубликованы архивные материалы XVIII-XIX вв. из фондов РГАДА, АВПРИ, РГВИА, а также местных северокавказских архивов⁶³. Уникальные сведения содержатся в сочинениях русских и иностранных

⁶³ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. М., 1957. Т. 1-2; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958; История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958;

ученых и путешественников (нарративные источники) И.А. Гюльденштедта⁶⁴, П.С. Палласа⁶⁵, Л.Л. Штедера⁶⁶, Г.-Ю. Клапрота⁶⁷, И.Г. Георги⁶⁸ и др. Они повествуют о социально-экономическом укладе, о взаимоотношениях местных народов, о русско-северокавказских отношениях, о торговых отношениях в русских городах на Северо-Восточном Кавказе, политических и военных аспектах деятельности российской администрации в регионе и пр.

Для исследования нашей темы, особенно вопросов внутреннего развития и расселения народов данного региона, а также вопросов, связанных с межнародным положением Кавказа, ценные сведения имеются в труде очевидца событий эпохи С.М. Броневского «Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен Иоанна Васильевича донныне»⁶⁹. В нем же имеются расположенные в хронологическом порядке архивные документы из хранилищ коллегий министерства иностранных дел.

Часть материалов Министерства иностранных дел, касающихся политики России в регионе, находятся в «Дипломатической переписке Екатерины II», опубликованной в сборниках Русского исторического общества⁷⁰, правительственные законодательные акты, опубликованные в «Полном собрании законов Российской Империи» (далее ПСЗ)⁷¹, в Сборнике, составленного Т.Н. Юзефовичем⁷². Официальный актовый материал – договоры, конвенции, меморандумы России, Турции, Ирана и европейских государств широко представлен в публикациях: «Собрание трактатов и конвенций, заключенные Россией с иностранными державами» Ф.Ф. Мартенса⁷³, «Договоры России с Востоком, политические и торговые»⁷⁴.

Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992 и др.

⁶⁴ Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

⁶⁵ Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1704 гг.

⁶⁶ Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Сост. Калоев В.А. Орджоникидзе, 1967. С.27-70.

⁶⁷ Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников... С.105-180.

⁶⁸ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.

⁶⁹ Броневский С.М. Исторические Выписки о сношениях России с Персиею, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Иоанна Васильевича донныне. /Пер. текста И.К.Павловой. СПб., 1996.

⁷⁰ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т.48; СПб., 1886. Т.51.

⁷¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.

⁷² Договоры России с Востоком. СПб., 1869.

⁷³ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1889. Т.12.

⁷⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX веков. Документы министерства иностранных дел. Сер.1. 1801-1815 гг. М. 1960-1972; Т.1-VIII. Сер.II. 1815-1830. М., 1974-1985.

Большой научный интерес представляют документы, опубликованные в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК)⁷⁵. В них содержатся переводы фирманов султанов и шахов, письма и обращения духовных лиц к мусульманам Кавказа. Кроме того, в актах опубликованы материалы переписки и письма кавказских владетелей, в том числе и грузинских князей и феодалов между собою и владетелями Северо-Восточного Кавказа, а также с Россией, Турцией и Ираном. Ценные документы представлены в приложениях к работам Б. В.Скитского и С.Ф. Головчанского, ныне утраченные из фондов «Кизлярского коменданта» Государственного архива Республики Дагестан.⁷⁶

Официальные акты документы представлены и в иностранных публикациях, среди которых британские «Государственные бумаги министерства иностранных дел».⁷⁷

Необходимо указать и на изданный в Турции «Сборник архивных материалов об истории Кавказа, Крыма и Туркестана». Содержащиеся в них документы опубликованы в переводе на современный турецкий язык со староосманского языка и сопровождаются пояснительными комментариями.

Источники, представленные официальными правительственными документами – делопроизводственные материалы – указы, фирманы, письма императора, шаха, султана, предписания и доклады военных министров, послов, консулов позволяют лучше изучить ход взаимоотношений между Россией, Ираном и Турцией, проследить процесс разработки и реализации их внешней политики в регионе.

Вторая глава «Народы Северо-Восточного Кавказа в XVIII – 20-е гг. XIX вв.» состоит из двух параграфов. В главе раскрыта динамика этнотерриториальной, общественно - политической и социальной ситуации.

В первом параграфе «**Этнотерриториальная карта Северо-Восточного Кавказа**» анализируются особенности этнического состава и процесс расселения народов Северо-Восточного Кавказа, дана панорама территориальной карты Чечни и Дагестана.

Границы этнических ареалов в горной зоне были гораздо более ландшафтно фиксированы и устойчивы, нежели на плоскости, а взаимоотношения «плоскости» и «горных обществ» характеризовались различными формами взаимозависимости.

Развивающаяся общерегиональная тенденция смещения этнических границ была связана с усиливающимся «давлением гор на равнину», что происходило в конфликтно-вытесняющей или вассально-переселенческих формах.

Областью расселения чеченцев стали территории кумыкских феодальных образований к северу от Качкальковского хребта. Они же (чеченцы) все более прочно занимали и большую часть малокабардинской надтеречной земли и, таким образом, стали главными соседями казачьей линии по Тереку.

⁷⁵ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Т.4. П собрания. СПб., 1829; Т.1. 1 собрания. СПб. 1530.

⁷⁶ Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914.

⁷⁷ British and Foreign State Papers. V 27, 28 L, 1841, V 29 London, 1842.

Во второй половине XVIII в. усилилась динамика расселения горских и степных народов (ногайцев, в частности) на территории Северного Кавказа, что определялась во многом российским присутствием в регионе.

Со времен походов Петра I в 1722 г. и в дальнейшем выдвигание российской границы от Кизляра к Моздоку стимулировало казачье-крестьянскую колонизацию Предкавказья.

Армяне и грузины расселяются в русских пограничных городах на Северо-Восточном Кавказе – Св. Кресте, Кизляре, а затем и в Моздоке.

Военно-политические успехи России в 70-х гг. XVIII в. и завершение строительства Кавказской линии привело к двояким последствиям, порой полярным и противоречивым. С одной стороны, принося подданические присяги России (вплоть до 1781 г.) значительная часть горных чеченцев (как ингушей и осетин) получали возможность, при соответствующих разрешениях российского командования, селиться на плоскости. С другой стороны, стесненные российским военно-административным контролем, горцы не могли отныне беспрепятственно селиться на плоскости, что «подталкивало» их на усиление «рейдов» за Терек.

В конфликты были вовлечены обе стороны (горская и российская) и теперь уже плоскостные селения становятся объектами масштабных и регулярных «репрессалий» со стороны российских войск, что приводило к разорению плоскостных селений и обратным вытеснениям с плоскости в горы.

С 1817 г. с началом проконсульства генерала А. П. Ермолова осуществлялось передвижение военной границы с Терека на Сунжу, что привело к вытеснению чеченцев из терско-сунженского междуречья. Произошло отсечение и нагорной полосы от Кумыкской «плоскости» в результате строительства новой линии – от Владикавказа до вновь построенной на Сунже крепости Грозная, и дальше на восток до крепости Внезапная и вплоть до Каспия (крепость Бурная).

Этнотерриториальная панорама на Северо-Восточном Кавказе характеризовалась уже куда менее статичными этнограницами на равнинно - предгорных землях к северу и к югу от срединного горного пояса: их меньшая устойчивость была связана с перемещением больших масс населения, а большая расплывчатость по причине этнической неоднородности переселенческих потоков и «чересполосности» их расселения.

Во втором параграфе **«Общественно-политическая структура и социум народов Чечни и Дагестана»** анализируются общественно-политическое, административное устройство и социальные отношения в Чечне и Дагестане.

В XVIII в. народы Северо-Восточного Кавказа не имели единого государственного устройства. В равной мере это относилось и к Чечне и Дагестану.

Целым рядом более или менее крупных феодальных владений (княжеств) и «вольных» обществ – союза сельских обществ (малых и больших), которых насчитывалось не более 64 – представлялась территория чеченцев.

Высшим сословием в Чечне в обозначенный период определяются князья, мурзы и беки, которые, как правило, назначались предводителями плоскостных селений по мере усиления в регионе российской администрации. Она практиковала выдачу им денежного содержания и наделяла землями. Князья находили опору в среде узденей – дворян, связанных с ними

вассальными отношениями. Большинство княжеских узденей сами были богатыми и знатными людьми.⁷⁸ В то же время, по-прежнему, крестьянское население Чечни было юридически независимой, полноправной и также именовалась узденством («обзда нах» - букв. на чеч. яз. «благородные люди» достойного происхождения. – К.М.). Однако, совершенно очевидно, что в исследуемый период оно было неоднородным в социально-экономическом отношении: верхушка чеченского узденства имела значительное количество скота и земли, социальная значимость выборных «старшин чеченских» зависела уже теперь от экономической состоятельности, а избирались в «старшинство», как правило, из фамилий богатейших.

В XVIII в. сформировался и новый слой социальной верхушки – мусульманское духовенство, роль которого значительно возрастает, в связи с усложнением общественной жизни и повышением значимости образованных лиц, а также благодаря экономической состоятельности духовенства.

О существовании социально обездоленной части населения говорит появление документально фиксируемой в XVIII в. в Чечне категории безземельных - «мохк боцу нах» (с чеч. яз. – «люди без земельного владения», даже скорее в значении «без родового владения» или лишившиеся такового. – К.М.) и т.п.

На последней ступени социальной лестницы чеченского общества определялись холопы («лай») из пришлых или бывших рабов, ясыри или рабы («йисар»), работные люди, слуги («ялхо»), вольноотпущенники («хьалхой»). Все они, как правило, являлись нечеченского происхождения. Потомственных рабов, сословно обязанных крестьян с различными повинностями или платежами в пользу владельцев в чеченских обществах не существовало.

Юридической фиксации сословного деления, без чего социальные различия не могли стать системой правовых норм, так и не возникло в Чечне. Но при этом уже имевшая место феодализирующаяся верхушка умело использовала традиции «вольных обществ» для упрочения своего положения, для значительного расширения и закрепления своих прав.

Дагестан также не представлял политически и экономически единой целостной территории в XVIII – 20-е гг. XIX в. В начале XIX в. в Дагестане было несколько десятков союзов сельских общин (по разным оценкам от 60-до более 90)⁷⁹, более 10 феодальных владений. Но необходимо подчеркнуть важнейшую особенность – разнотипность и статусную иерархию политических образований. К тому же, в Дагестане в зависимости от сословного происхождения, размеров своих владений и положения занимали определенные места в феодальной иерархической лестнице соответственно: шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, султаны, бии, беки, чанка-беки, сала-уздени (средние дворяне), высшее местное духовенство.

Наиболее крупные земельные угодья, так называемые ханские земли, принадлежали феодальным владетелям (тарковским шамхалам, аварским и

⁷⁸ См.: РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.1 Л.74; ЦГА РД. Ф.379.Д.2992. Ч.1.Л.16; Д.2701. Ч.1.Л.4; Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г.// ЗТОЛКС. №11. Владикавказ, 1914. С.93.

⁷⁹ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII-первая половина XIX в.). С. 37.

казикумухским ханам, биям Засулакской Кумыкии, кайтагским уцмиям, табасаранским майсумам и др.).

Другим видом землевладения в Дагестане были мюльки, когда на правах частной собственности землей владели лично свободные крестьяне, в том числе и в «вольных» обществах. Мюльки, находившиеся в руках крестьян, по своим размерам были различны. В ряде владений равнинного Дагестана и в Дербентском ханстве были земельные угодья, переданные правителем в условную собственность за отбывание службы владельцу.

В Дагестане временные и пожалованные земельные угодья делились на несколько видов: а) земли, пожалованные на определенный срок; б) земли, данные в пожизненное пользование; в) в некоторых случаях с правом передачи по наследству. В XVIII - в нач. XIX вв. временная и пожалованная формы землевладения постепенно переходили в мюльк. Во всех феодальных владениях и вольных обществах Дагестана немалые земельные угодья (вакуф) принадлежали мечетям, а земли аварцев и народов аваро-андо-цезской группы, даргинцев, лезгин, табасаранцев, рутулов и агулов являлись собственностью союзов сельских общин – «вольных обществ».

Неравномерность социального развития наблюдалась не только между отдельными народами, но и внутри них. Часть аварцев, даргинцев, лезгин входили в состав феодальных владений, другая часть составляла «вольные общества». Таким образом, Северо-Восточный Кавказ в исследуемый период представлял разноразмерный в общественно-политическом и социальном отношении регион, что в свою очередь порождало междоусобицы и разноразмерность в политических ориентациях.

Глава третья «Место и роль Северо-Восточного Кавказа в стратегических планах царской России, шахского Ирана и Османской империи в первой половине XVIII в.» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе **«Интересы Чечни, Дагестана и России в первой четверти XVIII века»** прослеживается формирование кавказского вектора в политике Петра I в контексте внешнеполитических и региональных политических событий в регионе.

Ослабление наступления Турции в Европе привело к усилению ее политики на Кавказе, что проявилось в походах крымских ханов в 1700, 1701, 1703, 1707, 1708 гг. в Кабарду и против северокавказских ногайцев.

После поражения Каплан - Гирея и его смещения, последующие правители Крыма настойчивы в попытках укрепиться в землях черкесов и в установлении военно-политических связей с чеченцами и кумыками⁸⁰. Вместе с тем, другие «князья Чечни» - «брагунские беки» признали в 1706 г. «покровительство» России.

Народные движения на юге России – восстания под руководством Кондратия Булавина, башкирское народно-освободительное движение 1704 – 1711 гг., а также народное движение в Чечне в 1707-1708 гг., еще больше воодушевило Османскую империю на активизацию кавказской политики.

В 1707-1708 гг. равнинная Чечня становится центром восстания, которое возглавил выходец из башкир Мурат Кучюков. В движении, помимо

⁸⁰ РГАДА. Ф. 119. ОП. 1 Л.5 – об.6

чеченцев, участвовали народы Дагестана, ногайцы и русские беглые казаки. Восставшие переписывались «с ханом крымским и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки»⁸¹. Масштабность движения таила реальную угрозу петровским планам и 30 сентября 1708 г. на переговорах П.М. Апраксина с калмыцким ханом Аюкой было заключено соглашение из восьми статей, в том числе «о преследовании чеченцев и ногайцев».⁸² Борьбу против восставших Петр I возвел в ранг государственной политики.

Во втором параграфе **«Северо-Восточный Кавказ как объект интересов России и Турции в период упадка Иранского государства (1707-1721 гг.)»** характеризуется политика России и Турции в условиях упадка Персии в 1701 – 1721 гг.

В период очередного обострения отношений с Россией в 1712-1713 гг. посланцы крымского хана (вассала османской Турции. – К.М.) побывали в Чечне и Северном Дагестане, местным князьям была дана от хана «немалая дача» в целях подкупа и привлечения на свою сторону.

Со своей стороны, Петр I после неудачи заключить союз с персидским шахом против султанской Турции в 1716-1719 гг. снаряжает экспедицию А.П. Вольнского под видом изучения торговых путей и получает подробные сведения о военно-политической обстановке в Прикаспийских областях и Персии. Были предприняты и меры дипломатического характера: установлен тесный контакт с царем Восточной Грузии (Картли) Вахтангом VI и армянскими князьями – меликами, которые обещали выставить вспомогательные силы в случае похода русских войск в Прикаспий и, что особенно важно, в 1718 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей вступает в подданство России. Вслед за шамхалом к России обращались Султан-Махмуд Аксаевский, уцмий Кайтагский и другие владетели Дагестана с просьбой о подданстве.⁸³

Таким образом, в 20-х г. XVIII в. Ширван и Дагестан выдвигаются на передний план кавказской политики России и Османской империи. Именно в этот период повстанческое движение против Сефевидского Ирана под предводительством Хаджи-Дауда Мюшкюрского и Сурхай-хана Казикумухского одержало победу, а захват 7 августа 1721 г. Шемахи положил конец владычеству Сефевидов на Кавказе.⁸⁴

Таким образом, ситуация складывалась как нельзя лучше для России и Турции. В условиях распада шахского Ирана, Стамбул и Петербург предпринимали меры по овладению кавказским наследием Ирана. Но в осуществлении своих планов соперничающие стороны вынуждены были заручиться поддержкой и лояльностью народов региона. Для феодальных образований Северо-Восточного Кавказа распад Сефевидской державы породил немало проблем и с этого времени они втягиваются во внешнеполитическое соперничество России и восточных держав на кавказском плацдарме.

⁸¹ РГАДА. Ф. 9. Оп.2. Д.7. Л.148.

⁸² РГАДА Ф. 119.1708 г., Д.9. Л. 1; Полное собрание законов Российской империи. Т.4. СПб., 1830.С.121.

⁸³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77.1722 г. Д. 3. Л. 13.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1.1721 г. Д. 7. Л. 144 об..

В третьем параграфе **«Роль и значение Петербургского и Стамбульского мирных договоров в судьбе народов Северо-Восточного Кавказа»** анализируются итоги дипломатического и военно-политического противостояния России, Ирана и Турции, роль и место Петербургского и Стамбульского мирных договоров в судьбе народов Северо - Восточного Кавказа, показаны события, предшествовавшие заключению договоров, борьба вокруг них и реакция народов Северо - Восточного Кавказа, судьбу которых пытались определить Османская и Российская империи.

При подготовке «Персидского похода» Петром I была задействована вся государственная мощь Российской державы: общая численность сил, направленных в Персидский поход достигла 80-100 тыс. чел.⁸⁵, а такую армию Россия не выставляла даже против шведов. В течение короткого периода «Персидского похода» русская армия захватила прибрежные районы Дагестана, Азербайджана и частично Ирана.

Османская Турция, имевшая также целью овладеть наследством Иранского государства, ультимативно потребовала от Петра I остановить продвижение армии и отступления от земель «дагистанов и кумыков», подчеркивая в ультиматуме, что «кумыки, так и прочие татарские народы под протекциею Порты...»⁸⁶. В районе аула Эндерей объединенные силы кумыков и чеченцев вступили в сражение с российскими войсками, но потерпев поражение, эндерейские князья присягнули царю на подданство.

Каспийский поход Петра I обострил существовавшие межфеодалные противоречия и поляризовал местные «просманские» и «прорусские» политические ориентации.

Осенью 1722 г. Петр I заложил на Сулаке крепость Святой Крест. В свою очередь, Терский город был срыт, а все его население, включая Окоцкую слободу, населенную многочисленными выходцами из Чечни (потомки этнических чеченцев «окочане», «шибуты» и «мичкизы». - К.М.), было переведено в новую крепость.

Воспользовавшись прибытием в Петербург посольства Исмаил-бека, направленного иранским шахом в Россию еще до своего поражения, было организовано подписание Петербургского договора 12 сентября 1723 г., составленный полностью в царской канцелярии. Согласно пунктам договора, шах «уступал» России часть земель «Дагистанов», Дербент, Баку, Гилян, Мазандаран и Астрабад⁸⁷. Договор не был ратифицирован вновь провозглашенным принцем Тахмаспом. Тем не менее, Порта отреагировала крайне резко, но после дипломатических переговоров в Стамбуле, при посредничестве Франции, вопреки противодействию Англии, Венеции и Австрии, 12 июня 1724 г. был заключен Стамбульский мирный договор.

Согласно договору России отводилась приморская полоса Ширвана и часть «дагистанских» земель. На остальной (горной) части Ширвана Порты учреждала Шемахинское ханство во главе со своим сторонником Хаджи –

⁸⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IX (Т. 17-18). С. 376; Молчанов Н. М. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 410.

⁸⁶ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 109

⁸⁷ ПСЗРИ. Т. VII С. 110, 112.

Даудом Мюшкюрским, куда включались и территории сельских обществ Ахты, Рутул, Цахур и др., но здесь запрещалось строить новые укрепления и держать турецкие гарнизоны. Россия признавала все приобретения Порты в Закавказье⁸⁸. Надо отметить, что в договоре шла речь об узкой приморской полосе Дагестана, а вопрос о «Дагистане», включающем земли от Каспия до Кабарды (включая и территорию исторической Чечни. – К.М.) остался незафиксированным. По существу эти территории оставались в сфере влияния России.

Знаменательным было то, что, подписав Стамбульский договор, Россия впервые в истории стала равноправным участником международных соглашений по Кавказу.

Османская Турция, несмотря на раздел сфер влияния на Кавказе, не прекращала попыток утвердиться на Тереке. Однако, приступив к демаркации границ, разделу территории, строительству крепостей и пр., соперничавшие империи столкнулись с сопротивлением местных народов и стремлением местных владетелей к проведению самостоятельной политики.

В четвертом параграфе **«Место и роль Северо-Восточного Кавказа в геополитической и региональной стратегии России, Ирана и Турции во второй четверти XVIII века»** раскрывается политическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе, связанная с усилением соперничества султанской Турции и царской России, а с 30-х гг. XVIII в. и Персии, с одной стороны, и противостоянием местных народов захватническим устремлениям империй, – с другой. Важнейшим фактором в геополитике держав становятся стратегические устремления в регионе. С осознанием стратегической значимости Кавказа в борьбе за выход в Черное и Каспийское моря, нарастали усилия России в расширении союзно-вассальных отношений с народами и государственными образованиями вне ее территории.

В период с июня 1726 г. по апрель 1727 г. В.В. Долгорукий совершил инспекторскую поездку в Прикаспийской территории, вернулся в Дербент в апреле 1727 г., присоединив к России области Астаринскую, Джаватскую, Ленкоранскую, Кызыл-Агачскую, Уджуруцкую, а также степи Муганскую, Шахсевенскую, Махаринскую. В этот же период были приняты повторные присяги от владетелей Кайтага, Утемышы, Аксия и Эндирея, а в 1726 г. «от трех чеченских князей, имеющих во владении своем около 5 000 подданных, приехали (в крепость Святого Креста. – К. М.) два узденя с тем, что они хотят быть в подданстве Ее Величества» (императрицы Екатерины I. – К.М.)⁸⁹.

На стабилизацию положения в подвластных России областях, османы ответили новой тактикой: сместив Хаджи - Дауда Мюшкюрского, привлекли на свою сторону более влиятельного Сурхай - хана Казикумухского, настраивая обоих против России, препятствуя с их помощью установлению точных границ между российскими и турецкими владениями.

В 1732 г. плоскостная Чечня превращается в центр крупного повстанческого движения. Здесь, в Чечен-ауле, собралось около 10 тыс. ополченцев из

⁸⁸ ПСЗРИ. Т. VII. С.303 – 308

⁸⁹ ЦГА РД. Ф.379.Д.2992. Ч.1.Л.16.

различных районов Чечни и Дагестана, чтобы выступить против местных феодалов и осуществить поход на российские укрепления.

Россия, учитывая сложность ситуации, идет на уступки шахскому Ирану: 21 января 1732 г. подписан Рештский договор, который кроме торговых привилегий, предусматривал важные территориальные уступки со стороны России, изменившие соотношение сил на Востоке в пользу шахского Ирана, что безотлагательно вызвало ответную реакцию со стороны Порты.

В условиях начавшейся ирано-турецкой войны, из Крыма через Северный Кавказ в 1733 г. двинулся для военных действий в Иране 25-тысячный конный корпус «царевича» Фети - Гирей Султана.

Воспользовавшись отходом русских войск за Терек, Оттоманская Порта объявила себя «покровительницей Дагистана», при этом возлагая особые надежды на старшего чеченского князя Айдемира Бартыханова, оказавшего содействие крымским войскам в 1733 г.

В накалившейся обстановке, Россия вынуждена пойти на заключение Гянджинского договора в 1735 г., что привело к возвращению «Дагистана» под власть Ирана. Крепость Святого Креста была уничтожена, но в том же 1735 г. была возведена российская крепость Кизляр.

Эти события послужили поводом к началу русско-турецкой войны 1735-1739 гг. К середине лета 1735 г. 80-тысячное крымское войско под командованием хана Каплан - Гирея показалось на берегах Сунжи, но военные силы, стянутые со всей Чечни, закрыли проход и разгромили крымские войска. Попытка крымцев беспрепятственно пройти через Чечню по ущелью, расположенному между аулами Алды и Чечен-аул, полностью провалилась. Крымский хан был вынужден отказаться от дальнейших попыток покорения Чечни.

К этому времени усилилась пророссийская политическая ориентация плоскостной Чечни. Так, влиятельный князь Айдемир принял «подданство» России (что по тому времени являлось признанием мирных отношений присягателя с Россией) и в залог верности своим обязательством «дал в аманаты сына Бардыхана», а другой «чеченский» князь - Алисултан Казбулатов - отдал в аманаты своего брата Бамата. Князья и их уздени стали даже получать денежное довольствие от российского правительства.

Завершение русско-турецкой войны было «победным» для России, и Белградский мир 1739 г. фактически узаконил «нейтралитет» Кабарды. Белградский трактат 1739 г. был опасен для России, прежде всего потому, «что осложнял наладившиеся экономические и политические связи с Северным Кавказом и Закавказьем».⁹⁰ Это, конечно, ухудшило ситуацию в регионе накануне похода иранского Надир-шаха в Дагестан.

И Иран, и Россия в ходе наступления войск Надир-шаха в Дагестан стремились заручиться поддержкой местных владетелей. Но за время пребывания Надир-шаха в Дагестане (до 1743 г.) со стороны Чечни не было проведено ни одного враждебного выступления против России. Совместная борьба дагестанских народов привела к поражению иранской армии и

⁹⁰ Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. М., 1998. С. 36 и далее.

отступлению Надир-шаха. Это имело не только локальное, но и международное значение, прежде всего потому, что военно-политическая мощь Персии оказалась сломленной.

После убийства в 1747 г. Надир-шаха, в условиях начавшейся династической борьбы, Порты лишь на словах выступала в защиту единоверных суннитов Северо-Восточного Кавказа, а фактически претендовала на овладение этим регионом.

Предпринятые Петербургом срочные меры для укрепления Кавказской линии на случай султанской агрессии, в связи с воцарившейся в Персии анархией, были совершенно оправданы.

Чтобы не допустить османов на побережье Каспия, проводились крупные работы по укреплению Кизляра и терских казачьих городков, расширялись экономические и политические связи с населением Северо-Восточного Кавказа. Российской администрации в Кизляре рекомендовалось иметь добрые отношения с местным населением, призывать владетелей и старшин к принятию российского подданства. Следует особо подчеркнуть, что отстаивая свои интересы в регионе, Россия брала, тем не менее, под свою защиту местные народы региона.

Борьба народов Северо-Восточного Кавказа, нанеся серьезный урон военному могуществу геополитических соперников России на Кавказе, явилась важным основанием ее кавказской политики. Российской войска, неоднократно встававшие на пути нашествия османских, крымских и персидских завоевателей (1733, 1735, 1742-1743 гг.), ускорили крушение захватнических замыслов восточных держав, что привело к качественному сдвигу в расширении и укреплении российско-кавказских отношений.

Глава четвертая «Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в 50-х – середине 70-х гг. XVIII в.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Цели и методы кавказской политики России и Турции в 50-х - сер. 60-х гг. XVIII века» анализируются цели и методы кавказской политики России и Турции в 50-х – середине 60-х гг. XVIII века.

Политическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе осложнилась в этот период разгоревшейся борьбой между Российской империей, с одной стороны, и султанской Турцией и ее вассалом Крымом, с другой, а также междоусобными войнами между местными владетелями.

В этих условиях российские власти усилили политику «ласкания» местных владетелей, что имело важные политические последствия. Подданство России приняли тарковский шамхал Хасбулат и дербентский хан Магомед-Гусейн⁹¹, дружественные отношения с Россией наладили и чеченские общества: в 1762 г. присягу «подданства» России приняло 500 дворов карабулаков (арштхойцы), жившие на самом западе Чечни и признававшие своим сюзереном эндирейского князя Аджи-Муртазали.

В 60-70-х гг. XVIII в., произошли значительные изменения в политическом положении соседних с Чечней ингушских обществах в Тарской долине. Нуждаясь в защите от нападений соседних феодалов и испытывая

⁹¹ АВПРИ. Ф. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп.121. 1750 г. Д. 1. Л. 2; Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1750 г. Д. 6. Л. 37 об. -38; Д. 7. Л. 2 об., 3 об.

острую нехватку «в соли, железе, холсте, кумаче, обуви, одежде...», ингуши неоднократно просили, «чтоб под протекцию е. и. в. приняты были, исчисляемы как состоящие в российском подданстве чеченцы».⁹²

В связи с «невозможностью к завладению» кавказских горцев, вследствие напряженной международной обстановки и политического положения на Северном Кавказе, Россией поощрялся добровольный переход горских переселенцев ближе к русским границам. Особую ставку в осуществлении плана заселения левобережья Терека царизм делал на осетин и ингушей, среди которых проводилась усиленная пропаганда христианства. Царская администрация в регионе уверенно констатировала их покорность России.

Активная политика России на Тереке в 60-х гг. XVIII в. привела к установлению ее дружественных взаимоотношений со всеми крупными обществами Чечни предгорно-плоскостной зоны. Усилению влияния России здесь способствовали и внутривосточные события, точнее сказать обострившиеся в середине 60-х гг. XVIII в. междуусобицы, урегулирование которых все чаще брала на себя российская сторона.

Но сама обстановка в регионе оставалась накаленной. Воспользовавшись смутами, новый правитель Кубы Фатали-хан захватил Дербент. Междуусобицы в Дагестане приняли затяжной характер. Оспаривая шамхальский титул, выступил буйнакский владетель Тишсиз Баммат, которому помогали кубинский и дербентский правитель Фатали-хан, кайтагский уцмий Амир-Гамза, аварский правитель Магомед-хан, владетели Засулакской Кумыкии – Алиш и Темир Хамзины⁹³. Обострились и российско-османские отношения.

Реально оценивая ситуацию, российские власти пошли на укрепление отношений с пророссийски настроенными северокавказскими владетелями, в том числе чеченскими и дагестанскими.

В феврале 1762 г. от имени «всего народа» присягу на верность России дали 49 представителей Дагестана и Чечни: из Аксая – 5, Эндирея – 4, Чечни – 5, Брагун – 2, Костека – 1, Герменчука – 1, Анди – 1⁹⁴, а летом 1783 г. титул тарковского шамхала вновь перешел к Муртузали, стороннику России⁹⁵. Российское правительство, желая расположить к себе местные народы, предоставило им и некоторые торговые льготы.

Российско-османское соперничество в регионе заметно обострилось после свержения Петра III и воцарения на престоле Екатерины II, что вызвало недовольство Порты, активно подогреваемое Францией, Данией и Пруссией. Пользуясь ослаблением Персии, турецкий султан стремился захватить не только Прикаспийскую область Кавказа, но и Засулакскую Кумыкию, находившуюся под покровительством России. Российское правительство принимает срочные меры для усиления г. Кизляра и региона. На территорию

⁹² См.: НА СОИГСИ. Ф.16.0п.1.Д.1.Л.48; там же: Ф.33.Оп.1.Д.168.Л.93 (Копия); АВПРИ МИД РФ. Ф. Осетинские дела. 1767-1783. Оп.1 28/11. Д. 1. Л.233 об.234; Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т.1. сост. Г.Кокиев. Орджоникидзе, 1934. С.83-84.

⁹³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 139.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 743. Ч. 3. Л. 204.

⁹⁵ АВПРИ. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. Оп. 121. 1761 г. Д. 1. Л. 1.

от Моздока до станицы Червленной было переселено 517 семей из Волжского казачьего войска, поощрялось и переселение в пределы Кизлярско - Моздокской линии горцев, принявших крещение⁹⁶.

Действенность мер российского правительства, доставка военного снаряжения и пр. раскрывала намерение Петербурга, о которых турецкие агенты писали: «Укрепя тамошние места и, запаса военными потребностями, привести под свое владение всех горских народов, живущих между Терекком и Дагестаном»⁹⁷.

Франция, Швеция и некоторые другие западноевропейские державы, преднамеренно подогревали антироссийские настроения османов, распространяя слухи о намерении России напасть на Османскую империю, Польшу и Крымское ханство, чтобы Порта немедленно объявила войну России.

Во втором параграфе **«Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и народы Северо-Восточного Кавказа»** анализируется политическая ситуация в регионе и последствия русско-турецкой войны 1768-1774 гг., проявившиеся в усилении пророссийской политической ориентации народов Северо-Восточного Кавказа.

В сентябре 1768 г. под давлением Франции Османская империя вступила в войну с Россией. Военно-стратегическое значение Северного Кавказа стало очевидным в ходе войны, когда обеим соперничавшим сторонам стало ясно, что решение крымского вопроса тесно связано также с проблемой преобладающего влияния на Северном Кавказе. Россия и Турция пытались привлечь на свою сторону Кабарду, Чечню и Дагестан.

Несмотря на умелую антироссийскую пропаганду, турецкому султану не удалось поднять местные народы на борьбу с Россией. Но еще через год внутривосточная обстановка в регионе резко осложнилась под воздействием активной деятельности османских эмиссаров. В связи с этим, Екатерина II распорядилась в 1780 г. основать новую казачью линию от Моздока до Червленной. С Дона и Волги было переведено 717 казачьих семей, разместившихся в станицах: Наурской, Мекенской, Ищерской, Галогоаевской и таким образом, российская военная линия от Каспийского моря до Моздока замкнулась.

Россия давно нацеливалась на господство в стратегически важном Дарьяльском ущелье, в связи с чем правительство расширяет покровительство ингушам и осетинам.

В 1774 г. был заключен победный для России Кючук - Кайнарджийский мир⁹⁸, в котором провозглашалась независимость Крыма от Турции, что позволило окончательно решить вопрос о Кабарде, ставшей владением России. Таким образом, сфера официального доминирования России на Северном Кавказе ушла к западу, Кабарда перестала быть нейтральной.

В третьем параграфе **«Торгово-экономический вектор политики России на Северо-Восточном Кавказе»** рассматриваются вопросы экономического развития региона и роли торгово-экономического вектора российской

⁹⁶ Там же. 1762-1783 гг. Д. 1. Л. 8, 13 – об, 270.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 6/н. 1768 г. Д. 396. Л. 56 об.

⁹⁸ Дружинина Е.Н. Кючук - Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С.349-360.

политики в этом процессе. Вне сомнения, экономическое развитие региона отличалось динамичностью, в связи с массовым освоением равнинных территорий переселенцами-горцами и колонизацией края русским («казачьим») населением. Продвижение России в регионе сопровождалось строительством крепостей и городов, которые объективно влияли на широкое развитие торгово-экономических связей в многообразных русско-северокавказских отношениях. Этому способствовала дальновидная и продуманная политика российских властей, направленная на расширение торгово-экономических связей в регионе.

Последние имели прогрессивное значение, поскольку они стимулировали рост местного производства. В этом отношении они принципиально отличались от торговли с иранскими и турецкими купцами и даже сложность политической обстановки и антирусская пропаганда со стороны шахского Ирана и султанской Турции не могли остановить этот позитивный процесс.

Процессы торгово-экономического развития ускорили и процессы социально - политического развития Северо-Восточного Кавказа, что вело к формированию новой социальной структуры и соответственно политической организации горских обществ.

Торгово-экономический фактор был важнейшим в процессе развития положительной динамики русско-северокавказских отношений и политического единения региона с Россией.

Глава пятая «Российско-персидское и российско-османское противостояние в борьбе за Северо-Восточный Кавказ (1775-1829 гг.)» состоит из четырех параграфов.

В первом из них «Стратегические интересы России, Ирана и Турции во второй половине 70-х – конце 90-х гг. XVIII века» исследуются направления внешней политики Российской, Иранской и Турецкой держав в 70-конец 90-х годов XVIII в. При этом особо подчеркивается, что Россия, укрепившись на Северо-Западном Кавказе и Северном Причерноморье, создала базу для «наступления» на Дагестан.

Но, учитывая сложное международное положение и опасаясь негативной реакции шахского Ирана, султанской Турции и западноевропейских стран (Англии и Франции), она осуществляла в регионе осторожную политику. Российское правительство акцентировало внимание на дальнейшем укреплении и расширении торгово-экономических связей с местными народами, рассматривая торговлю как один из способов укрепления своих позиций на Северо-Восточном Кавказе.

Кроме того, российское правительство добивалось расширения своего влияния в регионе, даривая местных владельцев ценными подарками, награждая их военными чинами и оказывая им военную помощь в подавлении различных народных выступлений.

Успехи России в завоевании политического влияния в Чечне в рассматриваемый период были значительными. «В исходе 1782 года от всех чеченских селений кроме Атаги, генерал-поручик Потемкин получил аманатов... определил над чеченцами прежнего их владельца Расланбека, а

над горячевцами (жителями качкалыкковских аулов. – К.М.) Кучука, и оба они присягу от народа приняли»⁹⁹ - свидетельствует военный историк П.Г. Бутков.

Успехи Российской империи на внешнеполитической арене (были присоединены Кубань и Крым в 1783 г., Крымский хан Шахин-Гирей вынужден был отказаться от престола в пользу России) оказали существенное влияние на «претендентов» на Кавказ. Не случайно Манифест о присоединении Крыма в августе 1783 г. был прочитан в чеченских селениях Атаги, Чечен-Аул, Алды, Шали, Аджи-Аул, Герменчук.

В течение 1782-1783 гг. Порта пыталась втянуть дагестанских и азербайджанских владетелей в борьбу против Ираклия II, царя Картли - Кахетии, тем самым надеясь ослабить позиции России. Однако планы сорвались из-за продолжавшейся междоусобной борьбы дагестанских владетелей. Более того, в течение осени 1782 – лета 1783 гг. подтвердили свою приверженность России тарковский шамхал Муртузали, кайтагский уцмий Амир-Гамза, Фатали-хан Дербентский, Умма-хан Аварский и андийские общества.

Усиление пророссийской ориентации произошло с подписанием Георгиевского трактата в 1783 г. Согласно трактату, отряд российских войск разместился в Тифлисе, резко изменив соотношение сил на Кавказе в пользу России. Именно тогда владетели Дагестана письмами засвидетельствовали свою верность России. Тогда же отдельные владения получили российское подданство: «... первые андреевцы, вторые костековцы ..., признали самодержавную власть российского двора»,¹⁰⁰ а костековский владетель Алишев был возведен в чин капитана с ежегодным жалованьем.¹⁰¹

Реальные успехи на северокавказском плацдарме соперничества России с восточными державами демонстрировалось образованием Кавказского наместничества в 1785 г. и дальнейшим углублением кордонной линии на юг (строительство крепости Владикавказ в 1784 г.), на что Порта предприняла ответные действия. В декабре 1784 г. Порта официально заявила российскому послу, что «Горджистан, Мингрелия ... так же, как и земли мусульманские, а в особенности единоверного Турции Дагестана» являются «подвластными» османов и протесты России относительно действий ее «подданных и подвластных ... ей территорий принадлежат к разряду неуместных стараний».¹⁰² Помимо официальных заявлений с лета 1785 г. к местным народам турецкий султан обращался с фирманами, в которых мусульмане призывались к «священной войне» против России на Кавказе.¹⁰³ В политическую авантюру ввязался аварский владетель Умма-хан, возглавивший первый поход в Грузию весной 1785 г., а второй был совершен в августе-сентябре того же года, во время которого аварского правителя сопровождали Али-Султан Дженгутаевский, кадий Акушинский.¹⁰⁴ Общая численность дагестанских отрядов составляла до 20 тыс. человек,¹⁰⁴ а со

⁹⁹ Бутков П.Г. Указ. соч. С.109-110.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. 5. Л. 108.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 52. Д. 286. Л. 24.

¹⁰² Джебдет-паша. Указ. соч. С. 379.

¹⁰³ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 25, 78.

¹⁰⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 178.

стороны Ахалциха на Восточную Грузию напал турецкий Сулейман-паша. В это же время у стен крепости Кизляр с 10-тыс. отрядом появился шейх Мансур из Чечни. Это дало возможность утверждать военному историку П. Г. Буткову,¹⁰⁵ что «все они действовали по одному плану, начертанному от турок».

29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мир, завершивший русско-турецкую войну 1787-1791 гг., который укрепил позиции России в Предкавказье. Ясский договор 1791 г. подтверждал вхождение Кабарды, Балкарии, Осетии и Карачая в состав России, а Айналы-Кавакская конвенция 1779 г. закрепили Крым и Тамань в составе России. Таким образом, в конце XVIII в. стратегически важным для российской политики регионом остается Дагестан, тем более что возросла иранская угроза. В последнее десятилетие XVIII в., в условиях опустошительных набегов иранского Ага-Мухамед-хана на Закавказье предпринимается «персидский поход» российских войск под предводительством графа Зубова в Дагестан. Примечательно, что данный графу Екатериной II рескрипт предусматривал после окончания военных действий постепенное интегрирование Дагестана в Российскую империю.

Во втором параграфе **«Северо-Восточный Кавказ в условиях противостояния России и Порты, России и Персии на рубеже XVIII-XIX вв.»** выявляются особенности политика России и восточных держав в 1799-1801 гг.

Российский император Павел I стремился не заострять кавказскую проблему. По мнению Павла I, эту проблему следовало решать постепенно и поэтапно, по возможности без военных действий. Большинство владельцев Дагестана добивались российского подданства. Но остерегаясь обострения отношений и войны с султанской Турцией, в Петербурге не решались включить Дагестан в состав России.

Вместе с тем, в 1792-1803 гг. была уже сформирована сплошная кордонная Линия (от Тамани до Кизляра), отделяющая территорию империи от земель горских народов, находящихся в различной степени зависимости (или независимости) от России. Эти обстоятельства создавали противоречивую ситуацию: во-первых, на протяжении всей полосы соприкосновения горских обществ с российской военной границей формировались зачатки управления «залинейными» горцами, во-вторых, расширялись торгово-экономические связи с ними, в-третьих, кордонная линия способствовала отчуждению друг от друга и вооруженные нападения все более усиливались с обеих сторон.

В сентябре 1802 г. в крепости Георгиевск был подписан общий договор между Дагестаном и Северным Азербайджаном под покровительством России, имевший целью прекратить набеги на Кавказскую линию и феодальные междоусобицы¹⁰⁶. Российская сторона рассчитывала, что договор будет содействовать в перспективе объединению кавказских народов вокруг России.

Вступление владельцев в создаваемый «федеративный» союз становилось почти обязательным условием принятия их в дальнейшем в подданство

¹⁰⁵ Там же. Ч. 2. С. 178.

¹⁰⁶ АКАК. Т. 2. С. 1009–1011.

России. В случае удачи этого опыта Россия рассчитывала не только укрепиться у границ Ирана, но и распространить свое влияние в Южном Кавказе, Нагорном Дагестане и в Чечне, то есть Россия дипломатичным, мирным путем намеривалась создать под своей эгидой целый ряд кавказских «федераций». При этом, кавказская политика России имела двойственный характер: с одной стороны, налицо попытка показать себя в качестве миротворца и защитника «слабых» народов от посягательств великих держав – шахского Ирана и Османской империи в тех частях региона, где владельцы еще сохранили свою самостоятельность, а с другой, – проведение политики с использованием жестких военных методов. Их практическое применение проявилось «экспедициями» в Чечню, «барантованием» под предводительством генерал-лейтенанта П.Д. Цицианов в 1803-1805 гг.

Покорение же Джаро-Белокама положило начало установлению полного контроля России над горной частью Дагестана и присоединению восточной части Южного Кавказа. Владетели Северо-Восточного Кавказа в условиях противостояния России с шахским Ираном и султанской Турцией следовали своеобразной «политике лавирования»: избегали столкновения с сильными соседями, по возможности использовали любой поворот в отношении великих держав, чтобы занять более выгодное положение.

В третьем параграфе **«Место Северо-Восточного Кавказа в политике России, Ирана и Турции в 1804-1813 гг. Значение Гюлистанского мира 1813 года»** раскрывается характер политики России, Ирана и Турции в 1804-1813 гг., место в ней Северо-Восточного Кавказа, историческое значение Гюлистанского мира 1813г.

Политика великих держав в этот период носила, прежде всего, силовой характер, которая во многом определялась начавшимися войнами – русско-персидской (1804 г.) и русско-турецкой (1806 г.).

Вместе с тем, российская военная администрация в лице генерала графа И. В. Гудовича совершенно изменила цициановские методы политики. Прежде всего, акцент делался на предшествующее дружественное развитие российско-кавказских отношений. Претензии Ирана на Грузию и Дагестан были отвергнуты категорически. Российская сторона, отказавшись от взимания дани с горских владетелей и политического шантажа, практиковала предоставление чинов и жалований пророссийски настроенным и тем более поданным России местным владетелям. Политика имела успех, что демонстрировалось успешным привлечением лезгинских «вольных обществ» на российскую сторону.

Более сложной оказалась задача достижения политического успеха в Чечне. В контексте войн с Ираном и Турцией, российская сторона взамен политического диалога с чеченскими старшинами предприняла в 1807 г. военную экспедицию под предводительством генерала С.А. Булгакова. Это была, на наш взгляд, не просто акция, а планомерное осуществление мероприятий разработанных Министерством иностранных дел «Предначертаний», которые предполагали перенос военной линии на Сунжу, с расселением там же казачьих станиц. В условиях такого военно-политического давления, экономические, торговые и переселенческие меры не давали успеха в урегулировании отношений с чеченцами. Не имели успеха и попытки установления в Чечне российской административной власти с

привлечением старшин, наделенных полномочиями «частных приставов». В управление принимались присягнувшие чеченские села, жителей которых необходимо было удерживать от набегов на Кавказскую Линию.

Другим важным направлением российской политики в условиях войны с Ираном было сохранение безопасности Военно-Грузинской дороги. Это обозначало особое внимание российской администрации к Дагестану, граничащей с Грузией и Азербайджаном. Следует подчеркнуть, что иранские и турецкие эмиссары неустанно вели агитацию и подкуп горских владетелей, настраивая их против России и провоцируя на набеги в Закавказские пределы. Все сложности внутривосточной ситуации в регионе влияли на ход войн, но российским властям удалось не только держать под контролем Дагестан, но и расширить свое влияние, несмотря на сильный проиранский противовес.

С завершением российско-персидской войны 1804–1813 гг. и заключением Гюлистанского мирного договора 24 октября 1813 г., Дагестан определялся «де – юре» в составе России.

В четвертом параграфе **«Северо-Восточный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в 1814-1829 гг.»** анализируются важнейшие внешнеполитические события: победные войны России с Персией 1804-1813 гг. и 1826-1828 гг., увенчавшиеся Гюлистанским (1813 г.) и Туркманчайским (1828 г.) договорами; а также российско-турецкие войны 1806-1812 гг. и 1828-1829 гг., завершившиеся Бухарестским (1812 г.) и Адрианопольским (1829 г.) договорами. Этот период вообрал в себя события неимоверно противоречивые, жестокие и политически значимые для народов Северо – Восточного Кавказа.

В 1817-1818 гг. состоялся перенос кордонной линии с Терека на Сунжу, сопровождавшийся выселением чеченцев с территорий междуречья. Линия крепостей: Владикавказ, Грозная и далее на восток Внезапная и завершающая на Каспии Бурная разграничили нагорную полосу территорий и Кумыкскую «плоскость». С 1818 г. по 1822 г. осуществляется политика планомерного выселения кабардинцев из Пятигорья, строятся новые укрепления (в 1822 г. военная линия соединяет Пятигорье с Владикавказом), казачьи станицы и селения более лояльных осетинского и ингушского населения. Таким образом, созданный военно–территориальный клин рассекал горский пояс на «закубанский» и «чеченско-тавлинский». Это определило: во-первых, усиление безопасности казачьих станиц потеречной линии, во-вторых, была достигнута стратегическая цель – беспрепятственная территориальная связь с областями в Закавказье, в-третьих, Северо-Восточный Кавказ (в особенности его горский «чеченско-тавлинский» пояс) был замкнут от равнинного и горного поясов Центрального Кавказа.

С этого периода генерал А.П. Ермолов проводил политику в регионе в ее наиболее грубых, жестоких формах. Необоснованные карательные экспедиции стали главной политической линией в отношении народов Северо-Восточного Кавказа. К 1820-му году завершилось и создание системы военно-экономической блокады многих районов Чечни и Дагестана. С 1819 г. по приказу А.П. Ермолова чеченцам были запрещены всякие торговые операции за пределами Горной Чечни, не контролируемой царскими войсками. Дагестанцам был закрыт проезд в Грузию, Азербайджан и Чечню. Ввоз продовольствия в Чечню и Дагестан был также запрещен. Более того, А.П. Ермолов запре-

тил торговлю даже внутри Дагестана и Чечни (между отдельными их районами)¹⁰⁷.

Имперская поступь в регионе, охраняемая кордонными линиями «ермоловской» тактики была уязвима: накалившийся в течение второго десятилетия XIX в. конфликт выходил на новый уровень и проявился первыми актами Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе. Начались антироссийские выступления. Но в 20-х гг. XIX в. они еще носили локальный характер и были слабо организованы.

На ужесточение этих событий определенную роль оказало обострение международной обстановки. Персия и Порта, недовольные результатами Гюлистанского и Бухарестского мирных договоров, сохраняли планы реванша в регионе, а их экспансионистские замыслы поддерживались Англией и Францией. В этих условиях Порты и Персия, по меткому определению известного кавказоведа А.В. Фадеева, с надеждой обращали внимание «за распространением мюридизма..., ведущей идеей которого стала идея всеобщего восстания кавказских мусульман под лозунгом «священной войны» против России»¹⁰⁸.

Рассчитывая на поддержку Лондона, шахский Иран объявил о расторжении Гюлистанского договора 1813 г. На протяжении всей российско-персидской войны 1826–1828 гг. Порты поддерживала Иран. Только полный военный разгром вынудил шахский Иран согласиться на все требования российского правительства.

22 февраля (5 марта) 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор. Он подтверждал все условия Гюлистанского мирного договора 1813 г. По мирному трактату к России отходили ханства Эриванское и Нахичеванское. Иран гарантировал свободу российской торговли на Каспии и исключительное право России иметь на Каспийском море военный флот¹⁰⁹.

Итоги войны 1826-1828 гг. России с шахским Ираном означали дальнейшее упрочение положения России на Северо-Восточном Кавказе, который «де-юре» оказался включенным в состав России.

Заключение мира с шахским Ираном изменило политическую и стратегическую обстановку на Северном Кавказе в пользу России и позволило ей начать русско-турецкую войну 1828-1829 гг.¹¹⁰

Персия во время российско-османской войны 1828–1829 гг. соблюдала нейтралитет, несмотря на происки Лондона и Стамбула¹¹¹. Но Лондон энергично старался создать антироссийский союз шахского Ирана с султанской Турцией¹¹². Следует особо подчеркнуть, что российским войскам оказывали помощь северокавказские народы. Главнокомандующий на Кавказе не раз подчеркивал отличие в службе и храбрость мусульманской милиции и полков на завершающем этапе войны.¹¹³ Примечательно и то, что политическая линия

¹⁰⁷ АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 20-30.

¹⁰⁸ Фадеев А.В. Россия и Кавказ ... С. 328.

¹⁰⁹ Договоры России с Востоком ... С. 226-227; История Востока. Т. 4. Кн. 1. С. 147.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д.477. Л.3.

¹¹¹ АКАК. Т. VII. С. 602-603, 623.

¹¹² Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. С. 281-282.

¹¹³ АКАК. Т. VII. С. 793, 13.

владельцев Северо-Восточного Кавказа стала последовательно пророссийской.

Еще 10 июля 1828 г. генерал И.Ф. Паскевич сообщал в Петербург, что джарцы, колебавшие горцев Дагестана, дали новых заложников в знак лояльности к России, а в «Дагестане не замечено никаких скопищ»¹¹⁴. Между тем, в 1828–1829 гг. приняли подданство России сельские общества Андалальское, Каратинское, Капучинское, Гавадинское и др.¹¹⁵ Кроме того, Сурхай-хан Аварский привел в российское подданство «никогда еще не изъявившие желания нам покориться общества: Шаталинское, Ханузское, Тунгульское, Чаракское, Решнулинское и другие»¹¹⁶.

В Аварии, несмотря на противодействия Нох-хана Казикумухского, Умалат - бека и др., ханша Баху - бике, вдова Султан-Ахмед-хана 9 сентября 1828 г. приняла присягу на российское подданство¹¹⁷.

22 августа (2 сентября) в Адрианополе между Россией и Османской империей без вмешательства европейских государств был подписан мирный договор. По Адрианопольскому договору султанская Турция уступила России на Кавказе все восточное побережье Черного моря от Анапы до порта Св. Николая.¹¹⁸ Признание султаном Северо-Западного Кавказа «вечным владением Российской империи» в результате Адрианопольского договора означало превращение Закубанья в часть России, а проживающие там местные народы вступали в российское подданство.¹¹⁹ Турция также признала присоединение к России Северо-Восточного и других областей Кавказа согласно ранее заключенным Гюлистанскому 1813г. и Туркманчайскому 1828 г. договорам.

Феодалные и старшинские владельцы Северо-Восточного Кавказа, а также армянские и грузинские переселенцы, интегрируясь в российские военно-сословные и хозяйственно-экономические структуры, становились существенной социальной опорой Российской империи в регионе.

Отсутствие подобной устойчивой опоры в вольных обществах Чечни и Дагестана усугублялось кризисом или уничтожением такой опоры в части сословно-организованных обществ Чечни и нагорного Дагестана, опосредовалось российской экспансией под флагом «замирения непокорных горских племен», что и привело к нарастанию размаха национально – освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа.

В заключении автор приходит к следующим выводам:

1. В истории народов Северного Кавказа решающую роль в XVIII – 20 – е гг. XIX в. играл внешнеполитический фактор. Северо - Восточный Кавказ являлся не только органической частью происходивших событий на Северном Кавказе, но и постоянным эпицентром этих событий. С начала XVIII в.

¹¹⁴ Там же. С. 753-754.

¹¹⁵ Кавказский сборник. Т. XI. С. 133.

¹¹⁶ Кавказский сборник. Т. XI. С. 138.

¹¹⁷ Там же. С. 100-103.

¹¹⁸ Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957. С. 135; Восточный вопрос во внешней политике России ... С. 95.

¹¹⁹ Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Указ. соч. С. 135; Клычников Ю.Ю. Российская политика ... С. 83.

внешнеполитическая программа Российского государства, сформулированная Петром I предполагала распространение российского влияния на Северном Кавказе в трех направлениях: от Азова до Кубани (западное направление), от Астрахани к «шелковым торгам» Ирана (восточное направление) и от Пятигорья к Тифлису – центру Грузии (центральное направление).

В тесной взаимосвязи и взаимозависимости были восточное и центральное направление, а стыковой территорией являлся Северо-Восточный Кавказ. Единая стратегическая линия, направленная на укрепление российских позиций сохраняется на протяжении исследуемого периода и прослеживается отчетливо. После поражений на западном направлении и заключения Прутского (1711 г.), а затем Адрианопольского (1713 г.) и Константинопольского (1720 г.) договоров, определивших Северо-Западный Кавказ под протекторатом Турции, Петр I обращает внимание на юго-восточное направление и предпринимает Каспийский поход 1722 г., воспользовавшись сложной внутривосточной ситуацией в Иране. Успех в этом направлении невозможен был без преодоления барьера Северо – Восточного Кавказа, что собственно и определило данный регион в качестве постоянного объекта соперничества знаменитого «треугольника сил».

2. Важнейшими факторами, определившими характер политики России и Турции с начала XVIII в., стала освободительная борьба народов Северо-Восточного Кавказа против персидского владычества и действий султанской Турции, а также нашествия крымцев.

С середины 30-х – первой пол. 40-х гг. XVIII в. борьба народов Северо-Восточного Кавказа против турецких, крымских и персидских завоевателей ослабили их наступательную мощь. Таким образом, Северо - Восточный Кавказ включается в орбиту международной политики, фактически став заслоном на пути захватнических устремлений Персии, связанных с северным направлением ее внешней политики.

Автор приходит к выводу, что с этого времени в кавказскую политику соперничавшие российская, персидская и турецкая империи вынуждены вносить существенные коррективы и учитывать региональный фактор.

3. Этнополитическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе существенным образом влияла на характер российской политики и политики восточных империй в регионе и на международной арене. При этом автор полагает, что этнополитическая эволюция в регионе обрела выраженную российскую направленность

Автор приходит к выводу, что российское же политическое доминирование на Северо-Восточном Кавказе приобрело характер постоянства после победы России в русско-османской войне 1768-1774 гг. Доминирование усилилось пророссийской ориентацией большинства народов Кавказа, в том числе народов Северо-Восточного Кавказа. Это отразилось в присягах подданства дагестанских, чеченских обществ, и их соседей на западных территориях ингушских, осетинских и других горских обществ.

4. События международного масштаба – Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., присоединение Крымского ханства к России 1783 г., а также Георгиевский трактат о протекторате над Восточной Грузией – это прорыв России в закавказские пределы, который, по мнению автора, позволил ввести Северо-Восточный Кавказ в политико-административное пространство

империи. Это обстоятельство повлияло, на наш взгляд, на активизацию реваншистской политики Турции и Ирана и потворствующей им политики западных сверхдержав. В сложившейся ситуации строительство и укрепление Россией Кавказской линии было мерой необходимой с учетом внешнеполитических планов Турции и Ирана, а также в известной мере и участвовавших набегов горцев. Кавказская линия, демонстрируя военно-политический приоритет, в то же время способствовала усилению российской ориентации целого ряда местных владетелей и народов, что в свою очередь содействовало расселению на плоскости как осетин и ингушей, так и чеченцев в междуречье Сунжи и Терека.

Российские имперские мероприятия в последнем десятилетии XVIII в. имели глобальные масштабы – колонизация Предкавказья, усиление Кавказского наместничества в 1794 г., сопровождавшееся строительством военных крепостей и укреплений, мобилизацией местного населения на строительство дорог, обременительные подати и выполнение тяжелых повинностей, назначение в горские области царских приставов и комендантских управлений, которые слишком вмешивались во внутреннюю жизнь горцев. В этих условиях участвовавшие набеги горских «партий» на Линию сопровождаются рейдами возмездия – военными «репрессалиями», поражающими горские общества по принципу их «коллективной ответственности».

6. Этнополитическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII в. неразрывно была связана с усилением ислама на Северном Кавказе, и совершенно очевидно, что со времен движения под руководством шейха Мансура (1785-1791 гг.) религия стала важнейшим объединительным фактором. К тому же восточные державы использовали религиозные настроения народов в политических целях, откровенно антироссийских.

7. Анализ внешнеполитической обстановки с 1783 по 1816 гг. показывает, что характер российской политики в регионе имел черты преемственности, исходившей из видения статуса местных народов скорее вассального, чем подданнического. Обретение статуса «государства (или общества) под протекцией» или даже «принятие в подданство» еще не означало «де-факто», что территории Северо-Восточного Кавказа являлись частью Российской империи. Это именно территория «внешней» русской границы, характер контроля над которыми был различен, изменчив и еще не был определен. Но, несмотря на это, реваншистские устремления Турции и Ирана усиливаются и по большей части при активном провоцировании Англии и Франции одинаково не были заинтересованы в усилении России на Кавказе.

8. Георгиевский договор 1802 г. – это историческое событие в политической истории Северо-Восточного и Южного Кавказа и России. Договор был нацелен на перспективы заключения подобного рода договоров с другими правителями Кавказа. Но российская политика мирного интегрирования горцев в систему собственного влияния, а где возможно – частичного административного и судебного управления, происходила уже на довольно неблагоприятном внешнеполитическом фоне. В этой связи, мы приходим к выводу, что: **во-первых**, разностатусность политических образований на Северо-Восточном Кавказе делала неприемлемой подобной «трансформационной (читай: федеративной) модели»; **во-вторых**,

необходимо подчеркнуть, что усиление позиций ислама среди народов Северо-Восточного Кавказа определяло уже собственные схемы трансформации на основе объединяющей их идеологии.

9. Завершение русско-иранской (1804-1813 гг.) и русско-турецкой войн (1806-1812 гг.) определило «прорыв» России в Закавказье и это подтверждалось «де-юре» международными договорами Бухарестским (1812 г.) и Гюлистанским (1813 г.), определившими Северный Кавказ «тыловой» территорией России.

Историческое значение имел для народов Северо-Восточного Кавказа Гюлистанский мирный трактат 1813 г. между Россией и Персией, согласно которому Дагестан был присоединен к России. Историческое значение заключалось в том, что, **во-первых**, Гюлистанский договор избавил народы региона от вторжения шахских войск; **во-вторых**, прекратил междоусобную борьбу местных владетелей; **в-третьих**, подготовил условия для окончательного присоединения народов Северо-Восточного Кавказа к России, чего не произошло еще в полной мере практически.

10. В результате победоносных войн с Ираном и Турцией в 1826-1828 гг. и 1828-1829 гг. и заключением Туркманчайского и Адрианопольского договоров, Северо-Восточный Кавказ из проблемы внешнеполитической становился частью внутренней политики Российской империи.

11. Геополитическое соперничество держав содержало в себе, прежде всего, эпохальный контекст с наличием различных региональных составляющих, влиявших на его завершение.

Северо-Восточный Кавказ, являясь составной частью Северного Кавказа, являющийся в свою очередь, особенным в стратегическом плане геополитическим регионом («тыл» для Европы и «аванпост» для Азии) с петровской эпохи начинает включаться в двухмерную (военно-силовую и политреалистическую) модель Российской империи.

Что касается многообразия вариантов вхождения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России, то, конечно, в первую очередь, выбор зависел от политики российского правительства в отношении народов региона, во-вторых, он определялся выгодами для их будущего как субъектов истории по сравнению с тем, что могли бы дать Персия или Турция, в-третьих, значительна была роль уже сложившихся и оправдавших себя экономических, политических и культурных контактов России с народами Северного Кавказа.

Народы Северо-Восточного Кавказа стали частью Российского государства, и, бесспорно, получили новый импульс политического развития, сохранив при этом культурные и духовные особенности.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Статьи в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Махмудова К.З. Значение Петербургского договора 1723 года для народов Чечни и Дагестана // Вестник Российской академии естественных наук. Специальный выпуск. Гуманитарные науки. М., 2006. Т. 6. № 4. С. 11-17.

2. Махмудова К.З. Кавказская политика России и Турции в 50-х – середине 60-х годов XVIII века // Публичное и частное право. М., 2012. № IV (XVI) С. 49-55.

3. Махмудова К.З. Материалы этноисторических исследований вайнахов в российской науке в конце XVIII – начале XIX века. Анализ источников // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону. 2009. № 3А. С. 68-72.

4. Махмудова К. З. Северо-Восточный Кавказ в кавказском узле восточной политики Петра I // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т.4. История. СПб., 2012. № 2. С. 16-28.

5. Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Стамбульский договор 1724 года и его значение для кавказской политики России // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2012. Вып. 2(93). С. 100-107.

6. Махмудова К.З. К вопросу территориального расселения чеченцев в XVIII - первой трети XIX вв. в трудах дореволюционных авторов // История науки и техники. М., 2012. № 7. С. 152-157.

7. Махмудова К.З., Юсупова Х.М. Из истории формирования многонационального торгово-экономического пространства Северо-Восточного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // История науки и техники. М., 2012. - № 7. С.158-163.

8. Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Георгиевский договор 1802 г. // Вопросы истории. М., 2012. № 9. С. 148-153 .

9. Махмудова К. З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции (1804-1813 гг.) // Фундаментальные исследования. М., 2012. № 11 (част 6). С.1346-1350.

10. Махмудова К.З. Борьба России, Ирана и Турции за влияние на народы Северо-Восточного Кавказа в 1814-1829 гг. // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2012. № 6. 0.5 п.л.

11. Махмудова К.З. Стратегия и тактика России, Ирана и Турции на Северо-Восточном Кавказе накануне и в годы российско-турецкой войны (1735-1739 гг.) // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 1. С.221-224.

12. Махмудова К.З. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и народы Северо-Восточного Кавказа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № I (27): в 2-х ч. Ч. I. ISSN 1997-292X. С. 128-132.

13. Махмудова К.З. Идеи «государственного устройства» Кавказа в российской просветительской мысли первой половины XIX века //

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. ISSN 1997-292X. С. 78-91.

14. Махмудова К.З. Этнотерриториальный состав и расселение чеченцев в последней трети XVIII в. в трудах академика И.А. Гюльденштедта // Вестник Северо-Осетинского государственного университета (Общественные науки), 2013, № 3. С. 22-32.

II. Монографии

15. Махмудова К.З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2012. – 256 с.

16. Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII - 20-е гг. XIX в. Грозный, 2012. – 500 с.

III. Статьи в иных научных изданиях

17. Материальная и духовная культура вайнахов в письменных свидетельствах конца XVIII - сер. XIX в. Сборник научных статей. Грозный. 1997. 0,5 п.л.

18. Российское военно-административное краеведение начала XIX в. как исторический источник. Вестник ЧГУ. Вып. 1. Гуманитарные науки. Грозный. 1999. 0,5 п.л.

19. Виноградов В.Б., Махмудова К.З. «Умение сблизиться с горами...» // Приязни добрые плоды. Изд. 2-е, доп. Армавир, 2008. С. 48-52.

20. Махмудова К.З. Военно-административное исследование чеченских адатов и их применение в российском судопроизводстве XIX в. Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX вв. // Материалы Всероссийской научной конференции (24-26 сентября 2009 г.). Карачаевск: КЧГУ, 2009. С.228 -234.

21. Махмудова К.З. Формирование грузино-вайнахского этнопространства в XVI-XVIII вв. (исторические аспекты) // Актуальные проблемы истории Кавказа. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р.М.Магомедова. (Махачкала, 14-15 апреля 2010). Махачкала: ДГУ, 2010. С. 206-212.

22. Абдулвахабова Б.Б.-А., Махмудова К.З. Чеченское мухаджирство на территории Османской империи в XIX – начале XX вв. Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научной конференции 28-30 октября 2010 г. Карачаевск: КЧГУ, 2010. С.10-18.

23. Махмудова К. З. Антропология этноконфликтогенности горцев Северного Кавказа в XIX в. (исторические аспекты). Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития // Материалы Всероссийской научно - практической конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН (7 апреля 2011 г., Грозный). – Грозный, 2011. С.641-644.

24. Махмудова К.З. Общественно-политическое устройство чеченцев по нарративным источникам последней трети XVIII – первой трети XIX вв. // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII-XVIII вв.). Материалы международной научной конференции. (20 апреля 2011 г.). – М. 2011. С. 274-285.

25. Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Персии и Порты в начале 30-х годов XVIII в. // Единение Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей. Материалы международной научной конференции. (23 мая 2011 г.). Махачкала, 2011. С.221-229.

26. Махмудова К. З. Северо-Восточный Кавказ в геополитической борьбе России, Турции и Ирана на рубеже XVIII-XIX вв. // Утверждение геополитических позиций России на Кавказе: дискуссионные аспекты проблемы и новые реалии. Материалы международной научно-практической конференции. (16-17 июня 2011 г.). Дербент: ДГУ, 2012.

27. Махмудова К. З., Юсупова Х. М. Города Северо - Восточного Кавказа и торгово-экономические взаимоотношения народов региона в XVII - первой четверти XIX в. // Сборник научных статей Академии наук ЧР. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2012. № 1. С. 139-145.

28. Махмудова К. З. Северо-Восточный Кавказ в «Священной войне» Шейха Мансура // Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 25 ноября 2011 г.). Махачкала. 2012. С. 215 - 221.

29. Махмудова К.З. Роль русских городов Северо-Восточного Кавказа в развитии торгово-экономических отношений народов региона с Россией во второй половине XVIII века // Русское население Северного Кавказа: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. ДГИНХ. Махачкала, 2012. С. 248-257.

30. Махмудова К.З. Зарубежная историография об утверждении России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX веков (интерпретации и историческая реальность) //Современные проблемы общественно - гуманитарных наук. (Теория и практика). Материалы международной научно-практической конференции. (23-24 марта 2012). Махачкала, 2012. С.37- 46.

31. Махмудова К.З., Юсупова Х.М. Торгово-экономический вектор в российской политике XVIII - нач. XIX веков на Северо-Восточном Кавказе // Современные проблемы общественно-гуманитарных наук. (Теория и практика). Материалы международной научно-практической конференции (23-24 марта 2012). Махачкала, 2012. С. 32-37.

32. Махмудова К.З. Повстанческие движения и военно-политический вектор политики Петра I на Северо-Восточном Кавказе накануне Каспийского похода // Кавказ и Ближний Восток. От Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории» 25 мая 2012г. г. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. С. 187 – 192.

33. Махмудова К.З. Города Северо-Восточного Кавказа в развитии торгово-экономических взаимоотношений чеченцев с народами региона в XVIII в. // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной научной конференции. (17-18 сентября 2012 г.). Махачкала: ИИАЭ. 2012. С.105-111

34. Махмудова К.З., Юсупова Х.М. Академик И.А. Гюльденштедт о хозяйственных занятиях чеченцев в конце XVIII века // I-ая ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета. Гуманитарные науки. 29 декабря 2011 г. Грозный. 2012. С. 140-145.

35. Махмудова К.З. Специфика российского этнотерриториального администрирования на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX в. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Послевоенная реконструкция в Чеченской Республике и мировой опыт» (1-е Кадыровские чтения), посвященной 10-летию Дня Чеченской Республики (День гражданского согласия и единения). АН ЧР (3-4 сентября 2012 г., г. Грозный). Грозный, 2012. С. 352-358.

36. Махмудова К.З. Российское администрирование в Чечне в первой половине XIX в. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Северного Кавказа: история, современность» - октябрь 2012, ДГУ, г. Хасав-Юрт, 2012. С. 129-134.

37. Махмудова К.З., Юсупова Х.М. Просветительские идеи и проекты мирного освоения Кавказа XVIII - первой трети XIX в. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Северного Кавказа: история, современность» - октябрь 2012, ДГУ, г. Хасав-Юрт, 2012. С.134-142.

38. Чеченцы / Коллективная монография. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. – М., 2012. – 118-129 с.

39. Махмудова К.З. Европейские авторы XVIII века о чеченцах и ингушах // Дагестан в известиях западноевропейских, восточных и русских авторов XIII-XIX вв. Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2013. С.137-147.

40. Махмудова К.З. Белградский мир (1739 г.) и усиление внешнеполитических влияний на обстановку на Северном Кавказе // Материалы II-ой ежегодной итоговой конференции профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета - 16 февраля 2013 года. Грозный, 2013. С. 391-396.

41. Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в условиях усиления внешнеполитической обстановки в первой половине XVIII в. // Роль России в исторических судьбах народов Кавказа. Материалы международной научной конференции (26-27 февраля 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 222-228.

42. Махмудова К.З. Роль торгово-экономических связей в развитии русско-северокавказских отношений в XVIII веке // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: научные труды II Международной научно-практической конференции (30 марта 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 89-96.

IV. Учебно-методические труды

43. Материальная и духовная культура населения Северного Кавказа в трудах отечественных и зарубежных авторов X – нач. XIX в. Грозный, 1994. 2,5 п.л. (в соавторстве).

44. Северокавказско-грузинские этнополитические связи в XVIII в. Спецкурс. Грозный, 1995. 2,5 п.л.

45. Взаимоотношения России с народами Северного Кавказа и их последствия (X - середина XIX вв.) Грозный, 1997. 1 п.л. (в соавторстве).

46. Страницы истории мировой культуры. Грозный, 2011. 8 п.л.

Подписано в печать 04.09.2013. Усл. п.-л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ № 131.

Издательство Северо-Осетинского государственного университета
имени К. Л. Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.